

№ 83

(№ 4 2025)

ОКТАБРЬ 2025

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

читайте

В ЭТОМ НОМЕРЕ

В. Подгузов

САМОРАЗОБЛАЧЕНИЕ
ОПОРТУНИЗМА
В СИСТЕМЕ
НАУЧНОГО
ЦЕНТРАЛИЗМА –
НЕИЗБЕЖНО

С. 2 - 27

А. Редин

ПРО ОБЫДЕННОЕ
МЫШЛЕНИЕ

С. 28 - 30

Бронислав

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИЙНОСТИ
В ЛИТЕРАТУРЕ

С. 31 - 45

А. Трофимов

OMNIA VINCIT AMOR:
ОТ ЛЮБВИ
НЕРАЗДЕЛЁННОЙ
К ЛЮБВИ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ

С. 46 - 47

А. Ермолин

«ГРОБЫ ПОВАПЛЕННЫЕ»,
КАТЫНСКИЕ И НЕ ТОЛЬКО

часть 4

НИКАКИХ
«ОБОСНОВАННЫХ
СОМНЕНИЙ»

С. 48 - 59

КРИТИКА

Саморазоблачение оппортунизма в системе Научного Централизма – неизбежно

Валерий ПОДГУЗОВ

О «САМОДОСТАТОЧНОСТИ» И КОЛЛЕКТИВИЗМЕ

По результатам полемики, возникшей в редакции журнала «Прорыв» в связи с заметки Алейникова-Иванова, «Задачи коммунистов», опубликованной в 2023 году в «ВК», членам редколлегии Огиенко, Быстрову, Шевцову и Неверову, как известно, в 2024 году была предоставлена полная свобода в деле воплощения их личных взглядов на практику организации пропаганды марксизма и решения задач строительства коммунизма.

Это побудило Огиенко к откровению.

«Подгузову, - писал он, - не нужны самодостаточные сотрудники - ему нужны "легко управляемые" послушные болванчики, которые будут заглядывать в рот своему "мудрому вождю" и слепо подчиняться. А если человек ... "смеет" самостоятельно рассуждать и, о, ужас, ставить под сомнение решения "мудрого вождя" или вообще указывать на ошибки - такие Подгузову не нужны».

В этих словах виден крупный след от долгого пребывания в атмосфере продуктов горбоевщины, рыночной демократии, ельциновидной гласности.

«Если говорить на прямоу, - торжествует Огиенко, - вождь из Подгузова не

вышел, ситуацию усугубляет непомерное самомнение с полной неспособностью воспринимать критику и учиться на ошибках. Пусть он написал ряд серьезных статей, углубляющих марксизм, но толковый главред из него не получился, вся оргработа была, фактически, завалена, и журнал, в конечном итоге, вполне закономерно, пришел в упадок, а следом за ним начала сдавать и газета Редина».

Но, во-первых, «самостоятельно рассуждающие» субъекты очень полезны и для пресловутого Подгузова, и для дела научного централизма, но только, если «рассуждающие» находятся вне редколлегии «Прорыва» и его филиалов. Не Огиенко первым пошел... Во-вторых, «написанное пером» подтверждает, что за восемь лет пребывания в редколлегии «Прорыва», Огиенко, в вопросах усвоения научной логики, остался непорочным. За эти годы, он не попытался поделиться с читателями научно-теоретическим анализом своего самого ценного качества: «самодостаточности» и ее роли в системе НЦ. Между тем, вопрос интересный: как и почему его, «самодостаточного» Огиенко, занесло в эту организацию, и что он искал восемь лет среди «*послушных болванчиков*».

Если редколлегия состояла бы из одних «болванчиков», то они были бы не способны выпускать журнал, который, растущим числом

читателей, признается марксистским. Это понятно и самому Огиенко. Но нет ни малейшего основания для отнесения к числу послушных сотрудников редколлегии, например, Д. Назаренко, автора великолепной книги, ИНИЦИАТИВНО выпущенной им к 150 годовщине со дня рождения Ленина. С этим «приданным» Назаренко и стал сторонником принципов НЦ и журнала «Прорыв». То же самое необходимо сказать и относительно книги и творческого потенциала А.Редина. Его книга тоже уже разошлась полностью. Немало книг уже опубликовала О. Петрова. Посмотрим, что получится у Огиенко, когда в его редакции сойдутся такие же «самодостаточные» люди, как он сам.

Огиенко не понимает ни того, что невозможно жить в обществе и быть самодостаточным, ни того, что состоять в редколлегии, которая пытается соответствовать марксизму и восемь лет молчать, что попал в окружение «болванчиков», можно лишь при полном отсутствии коммунистических начал в характере. Оксюморон является мнение, что самодостаточный человек может быть полезен **коллективу** марксистов. Синонимом самодостаточности, господствующей в сознании, являются слова эгоизм, индивидуализм, политический онанизм.

Коллектив – слово, принятое в марксистской науке для обозначения одной из форм **отражения ДВИЖЕНИЯ** общества в сторону коммунизма. Если нет движения к коммунизму, то неизбежно **возрождаются и обостряются** межличностные антагонистические отношения между людьми во всех микроуровневых структурах общества. Но верно и обратное, если производственные группы не сплываются в коллективы, то проводить коммунистические преобразования в обществе практически невозможно. В СССР мне довелось поработать на трех академических кафедрах. Теперь задним числом отчетливо понимаю, что эти группы кандидатов и докторов наук не являлись коллективом единомышленников, а были случайным собранием карьеристов, смотревших на преподавание отдельных частей марксизма, как на ремесло для получения окладов, должностей и званий. В частности, преподаватели Военно-политической академии им. Ленина, в годы разгула горбачевщины, были самыми покладистыми пропагандонами всех горбачевских, демократических и националистических идиотизмов, в том числе и секретарь партийного комитета ВПА им. В.Ленина Кузнецов.

Чем меньше носителей аутентичного марксизма в партиях и кафедрах, присвоивших себе коммунистические, марксистские названия, тем меньше шансов создать там коллектив, тем больше шансов, что носители оппортунизма поведут изощренную подковёрную борьбу против научного централизма.

Коллективизм устойчиво развивается, т.е. происходят РЕАЛЬНЫЕ изменения в восприятии друг друга лицами, функционально объединенными на микроуровне в материальном или духовном производстве, только там и тогда, где и когда происходит реальные коммунистические преобразования на макроуровне. Т.е. в любой формации объединение людей может сложиться в виде симфонического оркестра, военного подразделения, цеха, бригады, экипажа судна, конструкторского бюро, первичной партийной организации..., но качества коллектива подобное объединение людей может приобрести только в условиях постепенного **угасания** признаков классового деления в обществе в целом, например, сокращения наличного денежного обращения на макроуровне экономики, т.е. **затруднений** с инструментами коррупции, с расслоением общества.

При капитализме в любой группе, образованной по профессиональному или функциональному признаку, между ее членами **возникают** животные отношения **конкуренции**, а по отношению к хозяину, чувство зависти, ненависти, при дисциплине страха и голода.

Только в условиях начавшихся коммунистических преобразований, например, бегства буржуазии и ее интеллектуальных холопов из страны, возможна замена конкурентных межличностных отношений, отношениями глубокой солидарности, первоначально, например, в виде периодических «великих починов», субботников и воскресников, когда труд осуществлялся всеми, вышедшими на работу, без расчета на персональное, причем, дифференцированное денежное поощрение со стороны хозяина. Только при наличии центра, в котором отношения уже строятся на строго научной основе, возможно начало главных коммунистических преобразований и их проекция на отношение людей друг к другу в организациях непосредственных производителей материальных, духовных и политических ценностей. Становление в РКП(б) диктатуры большевиков сказалось положительно на монизме взглядов комиссаров, на дисциплине военспе-

цов, бывших царских офицеров и генералов, на повышении стойкости подразделений Красной Армии и отрядов Красных Партизан, но все это было лишь движением **в сторону** коллективизма, но не торжеством его **полного** воплощения.

Разумеется, на микроуровне, отношения коллективизма формируются за счет все большего понимания людьми объективных законов прогрессивных изменений общественной жизни, первенства осознанной общественной **необходимости** над личными шкурными **интересами**. В трудовых группах при капитализме, именно **дифференциация** выплат от хозяина, якобы пропорциональных трудовым затратам, разобщает непосредственных производителей, превращает их в конкурирующую пролетарскую массу. При капитализме «зарплата», большая, чем у соседа, является наиболее сладким «пряником», нанизанным на рукоятку стимула, т.е. шпицрутена.

В свое время, Ленин и Сталин диаматически осветили в теории и подтвердили на практике научное понимание психологии классов, социальных прослоек, прокладок и малых объединений людей в эпоху феодализма и капитализма, и потому они, **при жизни**, одержали грандиозные победы над царизмом и капитализмом в России, над беспрецедентной иностранной конкистой. Идеи Ленина и Сталина получили развитие и детализацию в теории психологии и педагогики в трудах Крупской, Калинина, Фрунзе, Макаренко и это сыграло положительную роль в ходе разгрома белогвардейщины, кулачества, басмачества, осуществления электрификации, индустриализации, коллективизации и культурной революции в СССР.

Ленин и Сталин, на каждом повороте истории, учли и использовали различия в психике классов и мелких образований российского общества, с его, как минимум, пятью основными экономическими укладами, пятью типами психологического восприятия действительности. На основе этих познаний, большевики поэтапно совершали крутые политические повороты, с одной стороны, сковывающие реакционные, местные, националистические, религиозные пережитки, проявления психики членов объединений и организаций начала XX века, а с другой стороны, удавалось все надежнее формировать лучшие качества в людях, совсем недавно смотревших друг на друга как на конкурентов или как на кровных врагов, через прорези прицелов.

Поэтому, коллективом в марксизме называют только то объединение людей, каждый человек в котором, независимо от вида труда и производства, сменяет свой эгоизм, личные интересы и начинает **сознательно** следовать к **общественно значимым** целям, далеко выходящим за рамки профессионального предназначения данного производственного объединения.

Однако социализм – это такой период истории, когда у групп людей появляется лишь возможность вырасти в коллектив. Строго говоря, первой исторической формой коллективных образований являются некоторые, наиболее утвердившиеся в большевизме, первичные организации РСДРП в России 1917 года. Но поскольку досоциалистическая эпоха, в мировоззренческом плане уже сформировала в массах воровские, рабские, господские, монархические, демократические, либеральные, мистические и маньячные взгляды на бытие, постольку далеко не в каждой профессиональной группе, не в каждой партийной организации могут сформироваться качества коллектива. Есть много шансов образовывать «сообщество пауков в банке», особенно на ранней стадии строительства социализма, т.е. первой **примитивной** фазе коммунизма, дефекты которой и определяются значительной мировоззренческой безграмотностью пролетарских масс и интеллигентской прослойки.

СОСТОЯВШИЙСЯ коллектив - это объединение людей, в котором каждый его член **осознает** свою **НЕДОСТАТОЧНОСТЬ** для **практического** решения стратегических общественных проблем и воспринимает как безусловное благо не только высокий уровень развития других сотрудников, не только тождество марксистских взглядов на социум, но и признает **НЕОБХОДИМОСТЬ** направляющего и координирующего, состоятельного центра научно-теоретического альтруизма.

Коллективом можно назвать объединение людей, которые на макроуровнях откликаются на усилия центра по коммунизации общественных отношений все более глубоким **ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЕМ** каждого непосредственного производителя материальных и духовных ценностей.

Полноценным членом коллектива можно считать только того узкого специалиста, кто на своем посту, в силу уровня своего марксистского образования и воспитания, уже не способен «подложить свинью» всем, т.е. не даст себе поблажек при исполнении, прежде всего, **своих**

функций, а будет работать на пределе своей **добросовестности**, осознавая все свинство попыток облегчить себе жизнь за счет других участников процесса производства материальных, художественных и политических ценностей.

Сталинский период массового воспитания в коллективах и через коллектив значительной части художественной и технической интеллигенции, в том числе, в «шарашках», самым положительным образом сказалось на поведении тружеников тыла города и деревни в годы Великой Отечественной войны. Во многом, благодаря партийно-организованному коллективизму сталинского типа, при сложнейших технических и производственных условиях, СССР дал все необходимое для фронта и для Победы, чего не смогла дать вся фашиствующая Европа и потворствующие ей Британия и США.

Словом коллективизм в марксизме обозначают то единство противоположностей, когда каждый из разноплановых экспертов ОСОЗНАЕТ богатое содержание своих личных связей, возникающих в производственном процессе того или иного содержания в системе общественного разделения труда, на базе борьбы за коммунизм, и политическое значение своей личной, образцовой ударной производственной деятельности.

По своей сущности, содержанию и значению коллективистские связи много выше и продуктивнее, чем кровные, родоплеменные, расовые, национальные, религиозные и, тем более, финансовые, меркантильные связи. Одновременно, коллективизм не противопоставлен родительским сыновним, дочерним, любовным, дружеским отношениям. Коллективизм эпохи социализма наполняет бытие конкретных лиц исторической адекватностью, притормаживая процесс формирования слоя людей с психикой телефонных мошенников, микрокредиторов, черных риэлторов и многомиллионных армий их жертв. В отличие от этих локальных, паразитарных личностных форм отношений, коллективистские отношения рождаются **научным** осознанием социальных, стратегических причин и последствий от совместной деятельности марксистов и сочувствующих им, здесь и сейчас.

Коллективом является то объединение людей, в котором инициатор коллективизации, координатор, исходит не из своих личных, тем более, меркантильных интересов, а руководствуется **НАУЧНО ОСОЗНАННОЙ НЕОБХОДИ-**

МОСТЮ концентрации и централизации разнородных экспертов в **систему**, субъекты которой едины и в мировоззренческих вопросах общественного бытия, и в практических делах, подчиняя себя задачам переустройства общества на основе требований объективных законов искоренения предпосылок для возникновения антагонизмов между людьми, следовательно, на основе познанных объективных законов демилитаризации, денацификации, демистификации психики народов мира, углубления их представлений об объективных законах развития каждой личности, о законах развития красоты, всеобщей искренней доброжелательности, о законах искоренения конкурентности, меркантильного карьеризма в психике людей.

Т.е. с одной стороны, движение общества к коммунизму ведет к угасанию атавистических, конкурентных пережитков в психике людей, а с другой стороны, к зарождению альтруистических, строго научных, общественно значимых мотивов и ценностей в психике нарастающего числа трудящихся.

Строго говоря, по степени сформированности коллективизма в психике людей, можно судить о степени **очеловечивания** всего общества, о динамике его выделения из животного мира и движения к коммунизму.

Но, оказалось, Огиенко долгое время делил редколлегию на самодостаточных лиц и на позорно исполнительных «болванчиков». Но, поскольку задачи строительства коммунизма на местах, в рамках каждой, отдельно взятой, организации, может осуществлять только коллектив носителей научного единомыслия, то размежевание есть достаточно надежный способ **практического** определения, какой круг людей больше всего соответствует марксистскому названию КОЛЛЕКТИВ.

«Да уж, - потешается Огиенко, - смешно получается: Подгузов предъявляет мне, что я, видите ли, "бездарно потратил 8 лет своего пребывания в редколлегии", но зачем же он позволял мне бездарно "сидеть в редакции"? Более того, никак претензий ко мне не было, статьи мои хвалил...».

Во-первых, все 8 лет теплилась надежда, что усилия, которые затратили Редин и я на воспитание, принесут плоды. Ведь все эти годы, после недолгих, но эмоциональных споров, Роман принимал редакторские правки и статьи получа-

лись достаточно марксистскими. Однако по ходу полемики в ВК по поводу «задач коммунистов», опубликованных Романом, его незалеченная поверхность проявила себя вполне определенно. Во-вторых, специфика НЦ состоит в том, что никакие прошлые теоретические удачи, не избавляют литератора от предоставления ему свободы за пределами редакции «Прорыва», если он в открытом интернете критикует руководство журнала. В этом случае применяем сталинскую методику: «Критикуешь? Покажи на практике, как нужно работать».

Ныне самодостаточный Огиенко имеет желанное условие для создания собственного объединения индивидов, предпочитающих *«самостоятельно рассуждать»* и *«ставить под сомнение»* мудрые решения... самого Огиенко. Как это происходит на практике, уже показал Неверов при обсуждении проблем теории управления при коммунизме с Быстровым и Огиенко. Хорошо еще, что не всегда матом.

Прошло совсем немного времени и вот уже в ВК 27 августа 2025 года Константин Неверов обращается к единомышленникам по делу о пресловутых «задачах коммунистов»: «Товарищи, ау! ВК вымер что ли?!».

О ПАРТИЙНОЙ И РЕДАКЦИОННОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

В ходе годичной переписки, характеризуя некоторые мои подходы к управлению членами редколлегии «Прорыва», Быстров бросил реплику: *«авторы не крепостные»*. Правда, чуть позже, он написал, что его не так понял:

«Да, помнится, я говорил про то, что авторы - не крепостные. Но это было абсолютно в другом контексте. Речь шла о том, что авторы - не крепостные, поэтому вправе публиковаться где угодно. Я просто не мог сравнить отношение к себе с крепостным правом, поскольку это неправда. Вы ж мне сами неоднократно поддерживали мой подход: объемные статьи - в журнал, заметки - где угодно».

Но, если бы Никита считал мое отношение к авторам приемлемым, то зачем нужно было напоминать мне, что авторы не крепостные? Между тем, остается фактом, что наибольший объем литературного «оброка» Быстров, до не-

давнего времени, отправлял в журнал «Прорыв», терпел мои редакторские «ножницы», напоминания о сроках подачи материалов и, только короткие заметки, написанные им от души и на злобу дня, он размещал «где угодно». Такая пропорция могла стать и поводом, и следствием, возникновения чувств нарастающего раздражения и поиска путей получения большей авторской свободы.

Марксист же не может относить крепостничество к наиболее жесткой форме принуждения и повиновения. Четыре крестьянских войны в России, и донское казачество тому подтверждение. Марксизм предполагает жесточайшее подчинение человека только **объективной необходимости**, осознанной в научном ключе. А законы достижения стратегических побед требуют бескомпромиссной концентрации и централизации носителей исследовательских и пропагандистских потенциалов.

Маркс писал, что идеи – это такие цепи, которые невозможно разорвать, не разорвав собственного сердца. Каждый, кто изучил труды Маркса не для получения зачета у профессора, знает, что объективно «неразрывными цепями» могут быть только научно состоятельные теории. Поэтому, в период обострения классовой борьбы в мире, открытого устремления **олигархов всех наций** к третьей мировой ракетно-ядерной войне **друг с другом**, только изнуряющее самообразование, бескомпромиссная сознательная партийная дисциплина, централизация усилий кадров «стоит свеч» и может, постепенно, сформировать силу, ни мало, ни много, способную привести мир к полному удалению «зубов» и «когтей» у двуногих хищников, старающихся развязать третью мировую войну.

И, если вместо напряженной борьбы каждого прорывиста за рост своего личного научного потенциала и, следовательно, авторитета как теоретика марксизма, некоторые из них **тратят время** на разработку... статистических показателей, якобы, «снижения» влияния «Прорыва» на массы, которое на этом этапе кризиса в современном коммунистическом движении и не планировалось, на разработку житейских советов главреду, подозрительно напоминающих рекомендации маркетологов из фирм, торгующих фальсифицированными плацебо, то в отношении таких товарищей следует проводить твердую кадровую политику, что и было сделано. Короче говоря, САМОДИСЦИПЛИНА про-

рывистов должна быть научно обоснованной, сознательной, а потому мощнее примеров крепостной дисциплины, поддерживаемой еженедельной субботней поркой на конюшне.

Последующая многомесячная переписка доказала, что предпосылки к противостоянию зрели достаточно долго, по законам конспирологии, а Огиенко некоторое время был лишь нетерпеливым рупором мнений о журнале и его главреде, сформулированных «старшими товарищами».

О КРИТЕРИЯХ НАУЧНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИГОДНОСТИ КАДРОВ

У конфликтов, возникающих в среде современных левых, ведущих к распаду организаций, есть мощные субъективные корни. Хорошо, если диаматика текстуально усвоена в достаточном объеме ее важнейших категорий и уже превратилась в органический метод добросовестного мышления, стала проверенной основой для умозаключений при принятии решений. Организации таких литераторов гарантируется единство, долгая, дружная, а потому, продуктивная борьба за общественный прогресс. Только в этом случае, принцип: «Сочтемся славою...», реально работает.

Другое дело, когда отдельные цитаты из диаматики уже содержатся в памяти членов организации, но носители таких «корпускул» методологии, пока еще, недостаточно самокритичны, не замечают, что решения вырабатываются и поступки совершаются ими на основе эклектики инстинктов, рефлексов, интересов, житейского опыта двух десятилетий традиционного семейного и рок-рэп-поп воспитания на основе сведений, найденных в википедии, позаимствованных у ИИ, полученных в либерально-демократических школе, ВУЗе, в ходе рыночной конкурентной, товарно-денежной деловой рутины.

Младогегельянец Карл, сочинявший лирические стихи, и диаматик Маркс, издавший первый том «Капитала», с научной точки зрения, разные личности, с разной ролью в истории человечества. Люди, застывшие в напыщенном младогегельянстве, ничего существенного «матери истории» не смогли дать. Маркс, не дописав первый том «Капитала», активно поучаство-

вал в создании Международного товарищества рабочих, но, оказалось, что членам этой организации катастрофически не хватало научно-теоретической подготовки и потому, первый Интернационал первым и пал под ударами истерического оппортунизма массы необразованных леваков.

Студент В.Ульянов, начитавшийся Чернышевского, и литератор Н. Ленин, сделавший к 1893 году, т.е. к своим 23 годам жизни, крупный шаг в развитии марксовой теории расширенного воспроизводства в условиях НТП, на основе опережающего производства средств производства для производства **наукоемких** орудий труда, тоже, отличаются друг от друга, как бунтарь одиночка и вождь всего прогрессивного человечества. Но Ленина окружали уже не бакунинцы и лассальянцы, а начитанные марксисты: Сталин, Дзержинский, Фрунзе, Киров, Калинин, Свердлов, Кржижановский, Бонч-Бруевич, Чичерин, Семашко, Луначарский, Хо Ши Мин, Димитров..., поэтому третий Интернационал, организованный при самом деятельном руководстве со стороны Ленина и Сталина, уже не выглядел «призраком коммунизма», а был подвергнут беспрецедентной по масштабам агрессии со стороны олигархов империалистических государств, заключивших, именно, **антикоминтерновский** пакт. Коминтерн не был побежден и не распался, а был сознательно распущен, когда и Димитрову в 1943 году стало ясно, что только воспитанная Сталиным ВКП(б), в значительной мере уже свободная от откровенных высокопоставленных троцкистов, является **реальным** интернациональным, дееспособным, объективным ЦЕНТРОМ коммунистического и рабочего движения в мире.

Наполненность сознания участников политической партии научными истинами в области обществоведения – важнейшее условие долгожительства и роста результативности политических организаций всех уровней.

Главред – не мороженное, тающее от комплиментов отдельных читателей в адрес «Прорыва». Он лишь констатирует факт, недостаточно массового, но, все-таки, признания принципов научного централизма и предлагает каждому прозревшему читателю организационную фиксацию его активного участия в развитии идей «Прорыва» в роли кандидата в редколлегия. Главред не располагает химическими или техническими индикаторами для мгновенной провер-

ки степени искренности и пригодности каждого индивида к работе в составе редколлегии на принципах НЦ. Приходится проверять симпатизантов в практической деятельности: их начитанность, склонность к научно-теоретическим исследованиям, инициативность, исполнительность и степень их готовности работать в коллективе.

Невозможно быстро установить, каким **потенциалом** научно-теоретической подготовки располагают и какими мотивами руководствуются вновь обретенные члены редколлегии. Здесь может быть и едва сдерживаемая мания величия, и неоправданная скромность, и холодный вражеский расчет. Практика постепенно проясняет, чем, на самом деле руководствуется и на что способно лицо, заявившее о своем одобрительном отношении к концепции НЦ и деятельности «Прорыва».

Только со временем стало вполне очевидно, что мотивом, например, Сарабеева и Голобиани, была попытка протащить троцкизм в тематику журнала, поскорее оседлать принцип НЦ в своих интересах, как это пробует сделать сегодня некто Радионов, поспешивший провозгласить себя создателем Партии НЦ. Могут сказать, что это дела давно минувших лет и можно уже прекратить поминать Сарабеева и Голобиани, Огиенко и Быстрова... Но эти поучительные примеры из истории «Прорыва» показывают, во что обходится левому движению шапкозакидательское отношение некоторых активистов к научной теории, нежелание повторить восхождение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина по «горным кручам» диаматики. Т.е. речь идет о примерах, которые подтверждают наиболее **ОБЩИЕ** законы формирования победоносных левых сил. В среде левых были и есть носители такого дефекта сознания, когда они претендуют на руководящие роли, не имея весомых доказательств, что они освоили методологию Маркса, Энгельса, особенно, Ленина, Сталина как гениев, обеспечивших себе **при жизни** Победы над **ВСЕМИ** своими теоретическими и военнополитическими противниками. Отказ от принципиального отношения к претенциозным недочеткам ведет к торжеству благих пожеланий, **возрождению** лассальянства и троцкизма, идиотизма хрущевины, горбоевины и ельциноидности.

В обществе, бытие которого построено на буржуазных контрастах, **одни** литераторы ис-

кренне озабочены тем, чтобы осветить путь прогресса всего человечества, чтобы как можно меньше возникало препятствий на пути выделения человечества из животного мира, ради более динамичного увеличения дистанции между миром инстинктов и миром адекватного мышления. **Другие же**, в лучшем случае, пытаются приспособиться к существующим полуживотным требованиям рыночной конкуренции в системе частной собственности, идеологически обслуживая тех, кто безоглядно берется за монополю высокую частную выгоду, за свое имперское положение в политике, не брезгуя никакими средствами, не обращая внимания на террористические, экологические и демографические последствия, готовя для себя любимых или циклопические бомбоубежища, или полет на другую, еще не загаженную планету.

Поэтому, сохранение за авторами свободы выбора издательства, одновременно, является своеобразным **ТЕСТОМ** на степень их личной научной и нравственной зрелости, искренности их намерений и исполнительской дисциплины, их авторитетности в глазах руководства того или иного издания.

Абсолютно оправданно, когда, во исполнение опубликованных принципов НЦ, наиболее подготовленные и уверенные в себе товарищи берутся за создание местных филиалов «Прорыва», способных полноценно вести пропаганду марксизма, выбирая наиболее эффективные формы агитации и, в полной мере, сотрудничая с «Прорывом» так, как это делают, например, Редин, Назаренко, Бронислав, Е. Иванов, Половинко, Кузнецов, Ермолин.

Но неприемлемо, когда, например, Шевцов несколько лет не предлагал в «Прорыв» вообще ни строчки, «оправдывая» это тем, что ему, дескать, нужно немного подтянуть себя в теории, чтобы быть достойным журнала. Приходилось иногда испрашивать разрешения у Шевцова, чтобы опубликовать в журнале некоторые из его вполне приличных заметок, опубликованных «где угодно».

Так что, факты многочисленных публикаций некоторых членов редколлегии «где угодно», в совокупности с их маркетинговыми советами главреду «Прорыва», ясно свидетельствуют о появлении и усилении когнитивного диссонанса среди членов нашего коллектива.

Конечно, плох тот автор, который не носит «маршальский жезл» в своем «ранце», не думает

о росте своего личного авторитета в общем информационном пространстве, о своем месте в иерархии конкретной организации. Но в системе научного централизма формальный карьеризм и, вытекающие из этого, «дворцовые перевороты» — разрушительная бессмыслица. Научно-теоретическая состоятельность и организаторские навыки должны, сначала, отразиться в полной мере на качестве исследований, на откликах читателей, коллег и, только в силу успеха на этих направлениях, автор может, помимо своей воли, превратиться в реальный центр управления процессами и людьми, в центр притяжения читательского внимания и повышения исполнительской дисциплины наиболее совестливых, начитанных и деятельных читателей.

ДЕМОКРАТИЗМ, КАК ОДИН ИЗ ПРИЗНАКОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕГРАДАЦИИ

Мировая историческая практика многократно показала, что многовековая система демократических выборов привела к тому, что в открытых предвыборных дебатах, все кандидаты во власть, не без оснований, называют друг друга дураками, ворами и предателями. Пока общество будет жить в рамках химер политической экономики, партия научного централизма одна будет способна порождать такую атмосферу в обществе, при которой каждый из претендентов на руководящее место в планирующих и координирующих учреждениях разных уровней, будет предлагать свои услуги обществу в качестве эксперта, имеющего практический опыт и, потому, уверенность в своей компетенции и искренности своих мотивов, как это было, например, в случае с Дзержинским, методологическая и практическая зрелость которого позволяла ему с неизменным успехом предлагать себя обществу и в качестве главного чекиста, главного организатора детского воспитания и главного организатора транспортной системы. И, чем дальше общество будет продвигаться в коммунизм, тем реже массы будут ошибаться в своем выборе, тем точнее они научатся оценивать способности и мотивы таких людей, ценность их реального научного вклада в дело прогресса общественных отношений между людьми и предлагать той или иной личности сыграть ту или иную координи-

рующую, направляющую роль.

Уже сегодня некоторых прорывцев выделяет высокая напористость и личная дисциплина, как в вопросах овладения глубинами и тонкостями теории марксизма, в вопросах умелого использования свободного времени для литературной деятельности, так и в интенсивном расширении форм пропаганды и агитации. Это неизбежно сказывается и на повышении степени научности их мотивации, и на качестве предоставляемых ими материалов, на формировании круга просвещенных и мотивированных сторонников принципов научного централизма.

По мере роста научной вооруженности личности, в ее творчестве объективно исчезает то мелкотравчатое, что типично для рыночного публициста и мелкобуржуазной «р-р-революционной истеричности» многих современных левых литераторов. Совершенно очевидно, чем меньше строго научных, проверенных знаний содержится в сознании человека, тем большее место там занимают мотивы объективно не коммунистические, т.е. мещанские, в «лучшем» случае.

О ПОЛЬЗЕ ОТКРОВЕННЫХ ДИАЛОГОВ

Намекая мне на свою высокую исполнительность, Быстров спрашивает:

«Может, приведёте хоть один пример, когда я ваши указания не выполнял?».

До 2025 года таких документально фиксированных случаев не было, но мое напоминание о приближении сроков подачи материалов часто венчалось вашей просьбой, потерпеть еще пару дней. Но и Сарабеев тоже с 2012 по 2015 годы был демонстративно исполнительным человеком. Однако в конечном итоге, именно мои «редакционные ножницы» вынудили Сарабеева подтвердить целой книгой его сокровенные троцкистские мотивы внедрения в редколлегию «Прорыва».

Поднятый мною чисто теоретически вопрос о вождах в коммунистическом движении, позволил точно определить недостатки в искренности помыслов, в морально-психологической подготовке и в научно-теоретической слабости, например, Новака.

Год за годом мне приходилось приводить важные теоретические вопросы, поднятые в не-

которых статьях, например, Новака или Быстрова, в соответствии марксизму. Некоторое количество лет с таким положением дел мы, внешне, мирились. Но в случае с заметкой Иванова, опубликованной в ВК, Огиенко, Шевцова и Быстрова прорвало.

Необходимо отметить, что некоторые авторы «Прорыва» и «Прорывиста», в результате напряженного самообразования, уже сегодня пишут статьи так, что у главреда нет повода вносить в них существенные коррективы, а есть удовлетворенность качественным ростом наших кадров.

Быстров же, за последние 10 лет, не выполнил ни одной стратегической рекомендации журнала по формированию в себе безусловного эксперта в области трудов Гегеля, Маркса, Ленина и Сталина, пропагандиста диаматики, конкретных принципов научного централизма. И это все больше давало о себе знать в каждой последующей серии его статей.

Без моих замечаний проходили только те статьи Быстрова, в которых сплошняком шли пространные «куски», заимствованные им из архивных документов и стенограмм судебных отчетов. Даже Огиенко, предлагал мне тоже исключить Быстрова из списка редколлегии «Прорыва» за то, что в его статьях нет ничего научно-теоретического.

В последний год нашей работы, я переписывался с Никитой по поводу его попыток проташить в середине текста пару фраз с односторонним взглядом на «триумvirат» Хрущева-Маленкова-Берии и попыткой демонизировать роль Берии в нем. На этой почве и возникли уже видимые «трещины».

Но теперь-то становится ясно, что исполнимость Быстрова была не централистской, а молчаливо претенциозной. Об этом свидетельствует нынешний шквал «ценных» советов Быстрова о том, как должна была строиться работа главреда по управлению толпами авторов, которых у нас нет, особенно нерадивыми. Причем, поток претензий к стилю моей работы возник не раньше, чем я применил и к нему воспитательную силу декооптации.

Быстров пишет:

«Ну а что касается вопросов управления в редакции, так тут к вам вообще очень много вопросов».

Разумеется, легче всего задавать вопросы, чем их решать. До 2024 года никаких претензий

по поводу моей управленческой практики Никита не предъявлял. Исключение других оппортунистов из списков редакции - одобрял, а в 2020 году, после кончины Мартынова, на мой вопрос о фигуре главреда, он ответил, что этот вопрос - риторический. Никаких пожеланий относительно стиля работы Никита тогда мне не высказал.

Теперь же Быстров пишет:

«Начнем с того, что под вашим "руководством" вся работа редакции шла практически исключительно снизу. Это всё понятно, что важнее всего качество статей, а писать таковые мало кто умеет».

Если верно утверждение Быстрова, что писать научно качественные статьи «мало кто умеет», то о какой «исключительной работе снизу» могут вести речь лица «мало, что умеющие»?

Первоначально, в редколлегию «Прорыва» включались все, кто заявляли в своих письмах о признании ими основ концепции научного централизма и обещали следовать рекомендациям, уже апробированным в журнале «Прорыв». Т.е., на первых порах, в число кандидатов в редколлегию принимались все, признающие на словах прочитанное в «Прорыве», как это было и в РСДРП. С самого начала, сторонники концепции НЦ доверяли редактирование своих текстов главреду. Практика показала, что среди прикнущих есть и «стайеры», и «спринтеры», и «теоретики», и «администраторы», а также, лица претенциозные, не слишком упорные в самообразовании, склонные к карьеризму и показухе. Далеко не все начинающие литераторы, кооптированные в редколлегию, и не сразу, объявляли себя бесправными «низами», отягощенными внешним редактированием их работ.

Я никогда не полагался **исключительно** на «низы» и каждый присланный текст, кроме писем, я проверял, не обращая внимания на ученую степень автора, стаж в роли прорывиста, исправляя ошибки, и потому, читатели получали очередной номер журнала, твердо проводящий заявленный курс на научность публикаций, хотя, иногда, несколько хаотичный по тематике.

Позиции авторов, качества их личностей, психологические портреты проявлялись в их реакциях на мои правки. На этих наблюдениях и выводах и у меня возникали положительные или отрицательные ожидания от сотрудничества с конкретными активистами. Многие из ожиданий

себя оправдали. Ряд прорывистов самым серьезным образом отнеслись к самообразованию. Естественно, количество поводов для полемики с такими авторами постепенно сокращалось. Но были и такие, конфликт и разрыв с которыми был неизбежен, хотя, они некоторое время поддавались управлению и приходилось их хвалить за терпимое отношение к правкам.

Многие читатели прониклись интересом к марксизму через простое **знакомство** с материалами «Прорыва». Но ожидать от них быстрого превращение в теоретиков марксизма – невозможно. За годы жизни, многие из них успели побывать в антикоммунистах, либералах, националистах, леваках, в роли предпринимателей и банкротов. Таким авторам трудно критично относиться к своим МНЕНИЯМ, с которыми они дружно жили в течении десятков лет, разочаровывались, но не находили им замены.

При научном централизме все члены редколлегии **обязаны** работать ИНИЦИАТИВНО, доставлять в журнал **научно** состоятельную информацию по всем вопросам бытия, тем более, общественного, формировать региональные авторские коллективы и, ростом собственной компетенции, участием в работе журнала «Прорыв», способствовать его превращению в действительный интеллектуальный центр.

Научный централизм осуществим лишь тогда, когда его организация напоминает не пирамиду с ее «верхом» и «низом», а наиболее совершенную геометрическую фигуру, шар, когда все точки его поверхности РАВНОПРИБЛИЖЕНЫ, т.е. неотличимы по степени овладения марксизмом от такой же точки, называемой центром. На практике же, в любой организации, в которой водятся лица с незаконченным марксистским самообразованием, найдется несколько «точек», претендующих на роль центров. Как показала история, группа лиц, воспринимающая себя коллективным центром, скоро начинают не только свару с существующим центром, но и междоусобную борьбу. Так повели себя меньшевики в РКП(б), особенно, после высылки Троцкого; так случилось и с «триумвиратом» Берия-Маленков-Хрущев; такая же история взаимоотношений Зюганова с Подберезкиным и Семигиным; Тюлькина с Анпиловым и Крючковым, так произошло с Сарabeeвым и Голобиани, и у Балаева идут бои за места в ЦК...

*«Все члены редколлегии работают так,
- пишет Быстров, - как считают нужным*

и пишут на те темы, которые считают нужными, причем, примерно в те сроки, в которые укладываются. Поэтому номера выходили в свет... ну, когда накопился материал».

А что порочного в том, что все члены редколлегии работают так, как считают нужным? Руководителю легче понять, что они из себя представляют. Разве лучше, когда авторы пишут не так, как считают нужным и, при этом, не укладываясь в назначенные сроки, а номера журнала выходят, когда редакционный портфель... еще пуст?

Степень планомерности работы журнала и научность содержания его статей не связаны жесткой причинно-следственной связью. Формальные планы является общим местом жизни капиталистического рынка и потому капиталистический мир время от времени погружается в мировые экономические кризисы и войны, как и сегодня. Особенность журнала «Прорыв» такова, что авторы пишут, как могут, а к читателю статьи приходят, в основном, соответствующие марксизму. Это главная задача главреда в системе НЦ. В результате большинство статей в журнале «Прорыв», газеты «Прорывист, в «клипах» Назаренко абсолютно не утратили своей актуальности и научной ценности за последние 23 года.

Быстров описал вариант редакционной вольницы, якобы царящей в «Прорыве», упуская из виду, что, редколлегия – это не колония для перевоспитания неразумных малолеток и, каким бы бесхребетным не казался главред, он проводит твердую линию, особенно в вопросе сохранения чистоты кадрового состава.

Идеальный вариант работы коллектива редколлегии марксистского толка тот, когда авторы, трезво оценивая меру своей подготовки в диаматике, пишут, что могут, а редактор пропускает только те статьи, уровень научности которых соответствуют стратегии журнала, качеству современной читательской аудитории, а очередной журнал, «как ни странно», выходит только по мере накопления статей необходимого качества. На практике, наши товарищи делятся на тех, кто занимается изучением диаматики настоящим образом, ставят главреда в известность о своих сомнениях, творческих планах, не считая крепостничеством и тот случай, когда их материалы публикуются в «Прорыве» без их согласия, и на тех, кто, годами скрывает свои истинные

устремления и оценки, в необременительном режиме занимается самообразованием, бессистемно ищут модные или легкие темы, кто отягощен необходимостью утверждать их у главреда, предпочитая публиковаться «где-нибудь», не проходя «унизительную» процедуру утверждения темы и готового материала главредом.

«Да, - продолжает Быстров, - к определенным датам это всё было приурочено. Не успели - и чёрт с ним. Будет не 4 выпуска в год, а 3. Нет, конечно, я помню, что вы мне рекомендовали ряд тем для статей. Я на них писал, вы публиковали. Это к вопросу об "управляемости". Да, вы мне напоминали иногда, что нужно успеть к такому-то сроку. Я успевал, как правило».

Следовательно, если вас, Никита, упрелят статью главредом «Прорыва-2», вы заставите авторов писать, независимо от того, владеют они диамантикой, или нет и, тем самым, резко поднимете частоту выхода номеров журнала, не учитывая, что ритмичность работы редакций никак не связана с научностью публикаций. В условиях капитализма потогонная борьба главредов за частоту и ритмичность продиктована исключительно финансовой стороной дела и капризами скукающих читателей буржуазного толка.

Десятилетиями ритмично выходил в свет журнал «Коммунист». И что? Трудно было найти более занудное и пустое издание. Но в этом и заключалась одна их хитростей современного троцкизма. По крайней мере, академик Арбатов в своих интервью после 1991 года, не раз ставил себе в заслугу, что журнал «США и Канада» подавал материалы так, чтобы анализ выглядел научно, насыщенно статданными, а американская действительность — прилично, чтобы за «деревьями» обильно математизированных выкладок, было труднее почувствовать запах этого гнивающего «леса».

После 1991 года, несколько лет ритмично выходила газета «Молния» Анпилова, «Бумбараш 2017» Былевского, «Трудовая Россия» Тюлькина. Их содержание было лозунгоподобным, и отклик читателей — нулевой, и потому вечная проблема с окупаемостью.

Не годится для научно-теоретического издания марксистского толка и режим работы «ошпаренной кошки». Мне едва хватает 3-4-х месяцев, чтобы качественно отработать какую-либо одну тему. За этот промежуток времени и

Быстров, как правило, справлялся со своими задачами, хотя, часто, наспех, в несколько последних дней. Со временем стало ясно, что ждать от Быстрова статей с глубокими научно-теоретическими исследованиями, не стоит. Как отметил Огиенко, в одной из своих «шпилек» мне, что некоторые авторы слали в журнал «статьи-наполнители».

Но, если в статье не было явных ошибок, меня устраивали такие «наполнители». Из «наполнителей», присылаемых, например, Новом, часто, приходилось убирать добрую половину текста, без ущерба для смысла.

Многих начинающих прорывистов, первое время, глубоко удовлетворял сам факт публикации в «Прорыве», а у меня долгое время не было выбора, ибо легко понять, что от чувства симпатии к научному централизму, до творчества нового на базе познанного марксизма, даже у одаренных людей, лежат годы «карабканья по кручам науки». Разумеется, в связи с признанием концепции НЦ начинающими прорывистами, уровень новаторства их статей много выше, чем качество статей докторов и академиков периода Брежнева, Суслова и Косолапова в журнале «Коммунист», но оно еще недостаточно для того, чтобы в сознании основной массы читающих пролетариев узкого умственного и отупляющего физического труда, тема критики пороков капитализма дополнялась конструктивом теории объективных предпосылок коммунистических отношений между людьми.

Потому-то и был составлен перечень тем, без раскрытия которых активисты «Прорыва» смогут получить лишь некоторое авторское удовлетворение, но не смогут выполнить свою историческую миссию.

Читателям не ведомо, как велик массив присланных в редакцию, но полностью забракованных статей, сколь велик корпус графоманов, как «глубока» поверхностность, бессодержательность и занудность их статей, которые они годами слали и шлют в редакцию.

«Единственная ваша попытка, - пишет Быстров, - проявить себя как политического руководителя редакции - это публикация в 2015 году списка тем для написания статей... Ну и? Сейчас 2025. Ни я ни, я думаю, никто другой из членов редколлегии не помнит, чтоб вы запросили, дескать, ребята, а кто что из этого списка взял и кто над чем работает...

Соответственно, если не взял и не работает, то вопрос, почему не выполняется распоряжение главреда... Или же главред выдал список заведомо неподъемных для авторов тем».

Темы коммунизма абсолютно подъемны, если у автора нет страха перед трудностями научного исследования и есть совесть, т.е. человек владеет диаматикой. Социалисты-утописты не владели диаматикой, но их научной смелости хватило, чтобы сформулировать кое-что важное, ставшее одним из теоретических источников марксизма.

Напомню, ТРЕТЬЕЙ моей попыткой было объявление о проведении конференции по коммунистической тематике «Капитала», а ПЕРВОЙ моей политической «попыткой» организовать научно-теоретическую форму классовой борьбы была разъяснительная работа с Тюлькиным в 1987 году, по поводу необходимости учреждения теоретического журнала РКРП «Советский Союз». В конце концов, Тюлькин согласился быть его номинальным главным редактором. Удалось выпустить несколько добротных номеров. А до этого, пришлось убеждать первого секретаря МК РКРП А.А. Сергеева, о необходимости учреждения органа МК РКРП, газеты «Рабочая правда». В 1996 году это удалось и, на правах зам. главреда, до 2001 года обеспечил выпуск 75 номеров на полной окупаемости, на 16 полосах. Затем, в связи с кризисом в РКРП, в 2001 году пришлось убеждать секретаря МК РКРП Мартынова в необходимости учреждения журнала «Прорыв»...

Так что, количество моих «единственных попыток» политического руководства теоретической формой классовой борьбы Быстров несколько занижил. И до первой публикации Быстрова в журнале «Прорыв», и после его освобождения от членства в редколлегии, некоторые читатели, называли и называют наш журнал единственным марксистским изданием в РФ и, даже, «глотком свежего воздуха». И все это не за счет глянца и фотографий звезд. В день, когда писались эти строки, в редакцию от читателя поступила очередная просьба выслать ему все 82 номера бумажной версии журнала «Прорыв» и еще один экземпляр полной подборки, которую автор письма подарит другу.

Попутно стоит заметить, что, например, журнал «Свободная мысль», правопреемник теоретического журнала ЦК КПСС «Комму-

нист», главред Делягин, в редакции числятся 30 персон. Журнал выходит 3-6 раз в год. Журнал «Прорыв» ныне имеет в редакции 5 человек и выпускает 3-4 номера журнала в год. В качестве главного редактора нескольких политэкономических журналов был профессор Бугалин, покинувший этот мир в 2023 году на 69 году жизни. Журнал, пока, выходит. Газета «Завтра» Проханова выходит давно, регулярно... Но бесполезно. Огромную работу проводит команда Захара Прилепина. Но, тоже, все удары по хвостам, хотя и весьма содержательно.

Теория полного коммунизма требует много свободного времени. Но далеко не у всех оно сегодня есть. Представьте наших читателей в 2015 году, живших, на момент обнародования в журнале списка тем по коммунизму, например, на Украине, в Азербайджане, Казахстане, Франции или США. Но и эти сложности не причина для отказа от **публикации списка** стратегических тем.

Я заранее знал, что никаких статей на эти темы никто, даже за год, не напишет. Но исходил из того, что капиталистическая жизнь уже выковала из «ребят» бунтарей, которые, осознав бессмыслицу левой «тусни», внимательно отнесутся к предложениям «Прорыва», пойдут по пути начинающих марксистов и, со всем жаром молодых сердец, возьмутся прокладывать «узкоколейку к Боярке», ко всем тем интеллектуальным «энергоносителям», которые выработаны человечеством. Кроме того, публикация этих тем была своеобразным тестом на зрелость нашего коллектива, на пригодность кадров к научно-теоретической форме классовой борьбы по основному вопросу марксизма. Этот список был приглашением к работе по созданию важнейшей части теории марксизма, т.е. развернутой теории построения и функционирования коммунизма.

Однако список – это еще не план, не задание и не **распоряжение**, тем более, когда количество тем, существенно превосходит количество членов редколлегии. Списком тем я дифференцировал тот интегральный ориентир, **коммунизм**, к которому «с камушка на камушек» должны двигаться в своем научно-теоретическом росте и читатели, и литераторы «Прорыва».

По откровенным письмам некоторых товарищей, я теперь знаю еще точнее, что они еще не усвоили все необходимое и, по совести, не могут, с гарантией на стопроцентное попадание в тему, браться за теоретическое решение боль-

шинства из перечисленных вопросов теории коммунизма, чтобы не наломать, утопических «дров». Они еще не добрались до своей марксистской «Боярки».

Но, я знаю теперь и то, что есть и такие авторы, воспитанные рыночной жизнью, которых можно, грозным окриком главреда, принудить писать, что угодно, повторяя по поводу строительства коммунизма полную хрущевину, как это делалось повсеместно в КПСС: точно в указанный срок, но тупо.

На моей памяти, году, эдак, в 1986, на волне зуда от ускорения горбаевины, Управление преподаванием общественных наук в ВУЗах Министерства обороны СССР, выдало грозный циркуляр, согласно которому на всех кафедрах общественных наук должны быть написаны фондовые авторские лекции, по всем предметам и темам. Карьеристы, возглавляющие некоторые кафедры марксизма-ленинизма, надавили на своих покладистых подчиненных, те настроили лозунгоподобные тексты и, кто-то первыми, поэфрейторски браво, отрапортовали о готовности стопок «фондовых лекций» к проверке. Видимо, по прочтению несколько таких «стопок», даже у чинов политуправления возникла такая стойкая аллергия, что, следующим циркуляром, была запрещена дальнейшая возня с бездарными «авторскими» фондовыми лекциями, а должности начальников кафедр общественных наук в академиях СССР были понижены с генералов до полковников. Было приказано продолжить чтение лекций по учебникам МО и Политиздата.

«Но нет, - восклицает Быстров, - Вы список дали и самоустранились. Никто не пишет, ну и ладно. А через 10 лет всполошились, а чего это не пишет никто? ☹️ Ваши любимчик Назаренко и другие члены его шайки, может, что написали? Не, видосики строчат и подкасты на несколько часов запиливают, это ж проще».

Не помню, чтобы я всполошился по этому поводу. А то, что «мой любимчик» и его «шайка» не написали, как вы полагаете, следствие моего разлагающего влияния?? А почему ничего на эту тему не написала группа Быстрова? Что, не было «пинков»?

То, что делает Назаренко, по мнению Быстрова, - проще, чем писать статьи на темы полного коммунизма. Но, если это проще, то почему Быстров не строчит, хотя бы, «видосики» с це-

лью пропаганды идей «Прорыва»? Потому, что он ищет только трудные пути?? Мне, например, хорошо известно, сколько времени и орг. усилий, нервов, материальных затрат понадобилось Назаренко, чтобы выпустить и распространить свою первую книгу, первые «видосики» и первые «подкасты».

Но после прочтения критических замечаний Быстрова по поводу судьбы перечня тем, в памяти всплыл анекдот про то, как в психдиспансере пообещали налить воды в бассейн, как только пациенты научатся плавать; и миниатюра из репертуара Райкина, в которой начальник Ж/Д станции целый час наблюдал, как из крана цистерны текла струйка бензина, и не нашлось ни одного человека, который бы закрыл этот кран. Так и Быстров, с одной стороны, считал, что незачем было обнародовать список, если никто еще не умеет писать на данную тему, а с другой стороны, он десять лет наблюдал, как никто ничего не писал по поводу коммунизма, и сам не спешил вместо того, чтобы показать образец творческого марксизма, пока я не пришел к выводу, что Никита сам не соответствует роли члена редколлегии «Прорыва».

Если бы за прошедшие годы, Никита уделил внимание диаматике, то он не задавал бы вопросы, а сам описал «букет» исторических, объективных и субъективных причин и предпосылок, породивших массовую «робость» литераторов перед вопросами, касающимися теории коммунизма.

Быстров, тоже, отмечает, что есть темы, за которые наши авторы берутся решительно. Значит, в чем-то уже разобрались. Но, по теме коммунизма, все дружно решили провести «итальянскую забастовку» до тех пор, пока главред не догадается раздать «пендюлей»? В условиях, когда все что-то пишут и публикуют «где-нибудь», нет другой причины молчания на тему коммунизма, кроме честного осознания нашими литераторами сложности для них темы коммунизма на данном этапе их марксистского самообразования.

Интересно, если бы я, «сверху и грозно», назначил самому Никите одну из этих тем по коренным вопросам коммунизма, то, что, он через месяц прислал бы готовую статью, полную диаматики коммунизма?

Что касается Назаренко, то и по прошествии пяти лет, после первого издания его замечатель-

ной книги, в редакцию приходят подобные отзывы:

«Передайте товарищу Назаренко мои искренние слова благодарности. Книга отличная, ярко вырисовывающая вождя мировой революции с повседневной (будничной) стороны через воспоминания его сторонников, соратников, так и недоброжелателей и откровенных врагов. Благодаря чему дает более детальное и более живое восприятие образа жизни Ильича, его мыслей и поступков. Начинаешь его воспринимать гораздо ближе и осознавать ту громадную мощь силы воли и энергии, а также негибкий оптимизм и нечеловеческую работоспособность (особенно с точки зрения дня сегодняшнего - эпохи ютубов, мемов, тиктов, рилсов и прочей расслабляющей и оупляющей развлекухи, подавляющей силу воли, а также культа обломовщины и повсеместной маниловщины и словоблудщины). Также стоит отметить необычный стиль написания, можно даже сказать новаторский - тезис, а под ним аргумент-воспоминание (до этого практически нигде не встречал). Читается легко и свежо. Заканчивая чтение и обращая взор на список использованных источников, да и на сам стиль книги в целом, понимаешь какую огромную работу проделал товарищ Назаренко.

В. Дружинин

P.S. ... Если все-таки соберусь, преодолею свою лень, то напишу более подробный отзыв на книгу в раздел группы "Прорывцы Юга России". Мысли и идеи, возникшие после прочтения, есть, которые хочется изложить более подробно. А пока, хочу еще раз пожелать товарищу Назаренко дальнейших успехов, здоровья, еще больших сил и воли для новых свершений. Жду подобную книгу про товарища Сталина».

Большие претензии у Быстрова к моему пояснению к списку тем по вопросам коммунизма: "Что касается актива самого журнала, то мы предлагаем список проблем, над которыми мы сами собираемся работать в ближайшее время".

«Что это было вообще? – возмущается Быстров, - Если это список проблем, ко-

торые редакция обязалась в ближайшее время решить, то почему главред за 10 лет (!!!) не добился от авторского коллектива решения этих проблем? И это при том, что члены редколлегии все 10 лет работали, писали статьи на другие темы, которые получали от главреда высокие оценки...».

Оказывается, филолог Быстров не понимает, что **собираться работать** над проблемой, даже **работать** над проблемой, **решить** проблему и **опубликовать результаты** работы, это не одно и то же. Но Быстров резво меняет мое **«собираемся работать»** на свое: **«обязались в ближайшее время РЕШИТЬ»**. Вот такой получился «перевод» с русского языка.

Был комичный случай в истории марксизма: издатель угрожал Марксу, что отдаст заказ на «Капитал» какому-нибудь другому автору. Несмотря на это, Маркс, искренне желая добра будущему читателю, 20 лет вытаскивал этот «самый страшный снаряд, когда-либо пущенный в голову буржуазии». Еще 50 лет читателям «Капитала» потребовалось на создание «механизма», позволившего использовать этот снаряд при решении задач переходного периода, построения основ социализма.

В нашем же случае прошло всего 10 лет после опубликования приблизительного списка тем. Судя по моей переписке со многими прорывистами, они отлично помнят об этом списке и, время от времени, сообщают, что работа, пока, идет не просто, не говоря уже о том, что всем нашим активистам приходится выкраивать время для занятий теорией в условиях борьбы за личное выживание при капитализме. Я их понимаю. Но и они понимают, что этот должок перед мировым пролетариатом у них есть, и они не собираются от него увилить, но и писать «из страха перед редактором» не собираются.

«А если это нечто были ни к чему не обязывающие рассуждения, дескать, посмотрим, может кто что и напишет когда-нибудь, то нечего тогда и претензии предъявлять, что эти проблемы до сих пор не решены».

Можно ли считать человека сторонником «Прорыва», если для него список тем по вопросам коммунизма «ни к чему не обязывающие рассуждения». Т.е., Никита, руководствуется принципом: если все не пишут, а редактор не шпынует, то и я не буду писать, даже, если есть

что писать и что писать нужно. Признаки групповщины и явились одной из причин, по которой было предложено, группе Быстрова отправится в автономное «плавание».

«Значит, - выносит Быстров приговор, - главред собрал в редакцию тех, кто не в состоянии решить эти проблемы. Но при этом главреда, во-первых, 10 лет устраивало, что эти проблемы в редакции не решаются, а решаются другие, а, во-вторых, он за 10 лет так и не нашел, точнее не смог воспитать и подготовить авторов, способных эти проблемы решить».

Так и хочется воскликнуть: «Не виноватая я...», они сами в редакцию обращались со словами, что признают позицию «Прорыва», что хотят работать с нашей редакцией... и им сразу сообщалось, что их судьба в «Прорыве» будет определяться их усилиями в области САМООБРАЗОВАНИЯ. «Рекрутировал» будущих активистов «Прорыва» не главред, а содержание журнала, качество опубликованных статей. Интенсивность самообразования, это один из лучших критериев пригодности литератора к работе в редколлегии, и я чту это гениальное открытие Маркса: *«самое лучшее образование – это самообразование, а самое лучшее воспитание – это самовоспитание»*. Но, даже у Маркса было два ученика, с которыми он работал лично и плотно. Из одного, за счет самообразования, вырос классик марксизма Энгельс, а из другого вырос ренегат Каутский. И Ленину, и Сталину очень часто не везло на учеников. Гениальный учитель – это не гарантия хорошего ученика. Мир людей сложнее этого правила, а порой, гораздо грязнее.

«И тут, собственно, два варианта. Либо главред молодец, поскольку хоть эти проблемы и не решены, зато авторы журнала решали другие важные (по признанию самого главреда) проблемы».

Вот тут я спорить не буду. Я – молодец. 23 года организую работу журнала в качестве «играющего тренера», при довольно высокой текучести кадров, при устойчивом марксистском качестве опубликованных материалов, хотя, время от времени, обнаруживаются кадры, пытавшиеся скрыть свой оппортунизм и протащить пару троцкистских фраз в середине текста.

Когда писались эти строки в ленте новостей ВК, в «Прорывцах Юга России», появилась довольно объемная и детальная заметка Виктории Ю., в которой раскрываются причины, по кото-

рым «Прорыв» сегодня – самый близкий к марксизму журнал. Так что, отложим поминки.

«Либо же главред бездарь, – продолжает гадание Быстров, – поскольку члены его редакции, оказывается, под его "чутким руководством" 10 лет страдали фигней, он их за это хвалил, а потом, через 10 лет понял, что они под его руководством страдали фигней и не нашел ничего лучше, как выгнать половину редколлегии, но оставить в ней тех, кто 5 лет страдал фигней и тоже не решал обозначенные проблемы 😊».

Но я думаю, что вполне логично освободить от тирании главреда-бездаря тех литераторов, кто «страдал фигней» целых 10 лет, а не тех, кто, по подсчетам Быстрова, «страдал фигней» всего только 5 лет. Тем более, по моему педагогическому опыту и практике партийного строительства идеологического актива КПСС и РКРП, пять лет – минимально необходимый срок, который позволяет достаточно упорному человеку, лишь познакомиться с содержанием более чем 100 томов текстов марксизма-ленинизма и занести основную массу положений марксистской теории в память. Требуется еще, как минимум, три года, чтобы научиться использовать накопленные знания для теоретического и практического решения стратегических и текущих тактических, внутрипартийных и межклассовых задач, если, конечно, задача физического выживания решается достаточно успешно и остается время и силы на саморазвитие.

«Вы тут рассуждаете об управлении при коммунизме, - сетует Быстров, - то есть в обществе людей с научным, диалектическим мышлением и иным уровнем сознательности. Но сами не научились управлять редакцией марксистского журнала в условиях капитализма, когда люди - продукты этого самого капитализма. Вы бы хоть у буржуев поучились этому, что ль. Ленин не чурался этого дела никогда».

«Оказалось» Ленин учился ЭТОМУ у буржуев. Чему этому? Искусству управлять редколлекцией «Искры», наполняя многие ее номера исключительно статьями самого Ленина? Что, и искусству распространения большевистской газеты Ленин тоже учился у редакторов буржуазных «Ведомостей», «Известий» и «Таймс». Что, стайки мальчишек бегали по улицам Москвы,

размахивая пачками газеты «Искра»?

То, что Ленин призывал большевиков научиться торговаться не хуже капиталистов, это легко понять и найти в поздних трудах Ленина. Но невозможно найти в ранних трудах Ленина положительных оценок изощренной лживости редакторов ВСЕХ буржуазных изданий и их управленческим технологиям.

На моем счету есть некоторое количество статей, написанных добровольно, без принуждения, инициативно, в которых я рассуждаю о коммунизме, о действии некоторых объективных законов на разных этапах бытия коммунистической формации. Но в 2015 году я предложил сделать это же и другим активистам «Прорыва»: порассуждать по более широкому кругу теоретических проблем строительства коммунизма, правда, без расчета на скорый научно-теоретический прорыв, поскольку не по слухам представляю всю сложность освоения диаматики, без которой научный анализ проблем коммунизма невозможен. На первых порах я приглашал наших литераторов порассуждать, и ничего более.

Слово рассуждать, т.е. спорить с самим собой по поводу объективных отношений в материальном мире и общественном бытии, до известной степени, синоним слову диаматика. Но диаматика оказалась не под силу всей Академии Наук СССР. Почитать в этом отношении, практически, нечего. Поэтому в 2025 году я и призывал прорывистов искать ответы на вопросы коммунизма в «Капитале» Маркса. Я уверен, их там много, и они все важные, но вычленив их можно только обладая диаматическим методом. Придется подождать еще. Трагедии капиталистического бытия, тоже, хороший учитель рассуждать «от отвратительного».

Правда, одних мыслителей, рассуждения ведут к научному умозаключению, других, к абсурдному, но сами рассуждения не равны ни тому, ни другому. Рассуждение есть лишь движение мысли и итоги этого движения не всегда удовлетворяют совестливого мыслителя. Он продолжает поиск ответов до тех пор, пока не придет к... парадоксальному выводу, который, часто, бывает истинным, а потому, гениальным.

К сожалению, и при коммунизме виртуозами диаматики люди будут не с самого рождения и не все. Поэтому для большинства людей технической и художественной образованности, содержание и результаты их рассуждений будут

определяться практическим общественным бытием коммунизма в виде непрерывных живых примеров для подражания с самого детства. Будет общественное бытие, действительно, коммунистическим, прежде всего, без денег, т.е. без предмета, провоцирующего воровство и блячество всех видов, будет и мышление подрастающих поколений, не противоречащим общему здравому состоянию общества.

Подобно тому, как не все пригодны к балету или математике, точно так, не всем дано освоить диаматику исчерпывающим образом. Правда, при коммунизме теоретическая диаматика достигнет такого уровня лапидарности, что ее основы будут успешно осваивать уже в дошкольных учреждениях. Но воспитательницы старших групп детсадов не в одну минуту достигнут необходимого уровня в преподнесении детских вариантов диаматики.

Коммунистическое общество никогда не будет однородным по степени освоения диаматики, но восхождение к ее высотам станет доступным большинству психиатрически благополучного населения. Возможно, у отдельных индивидов абсурдные мысли и противоречия будут возникать, но никогда по соображениям конкуренции и карьеры. Воспитанием большинства детей, школьников, студентов, состоявшихся музыкантов, наладчиков автоматических линий, артистов, архитекторов, художников, парикмахеров, инженеров, конструкторов, врачей, учителей... придется заниматься, и заниматься конкретно.

Быстров же утверждает, что при коммунизме люди **разных** возрастных категории и специализаций будут обладать **равным** диаматическим мышлением. Это утверждение не материалистично и не педагогично.

Ленин считал научно-теоретическую форму классовой борьбы, в простонародье, идеологию, область бескомпромиссных отношений, и здесь абсолютно нечему учиться у буржуазии, мировоззрение которой лживо, цинично, эгоистично, блудливо, абсурдно. Ленин допускал компромисс в тактике политической борьбы, в торгашестве переходного периода, понимая, что стратегическая победа РСДРП возможна, но только при бескомпромиссном следовании диаматике со стороны руководства партии. Поэтому, как только в МО РКРП сменился состав редколлегии газеты «Рабочая правда», несмотря на письменные заверения нового главреда Пугаче-

ва, что он будет пропускать все мои статьи без малейшего редактирования, я, как учил Ленин, вышел из редколлегии и организовал выпуск журнала «Прорыв», на правах зама главреда. Не знаю, сколько журналов, и какого содержания Быстров выпустил бы, учась у буржуев, но мне удалось организовать выпуск 83 номеров. Пока даже Быстров все номера журнала называет марксистскими.

И здесь мы подбираемся к «вишенке на торте», т.е. к разбору той ошибки Быстрова, которая позволяет сформулировать главный аргумент моего кадрового решения не в его пользу. Этой «вишенки» абсолютно достаточно, для организационного размежевания.

«Я много работал в буржуазных редакциях в своё время. – пишет Быстров, – Везде был редакционный план, распределение обязанностей с указанием сроков, проверка исполнения и т.п. Везде именно главред решал, какие темы нужно осветить, кто из авторов должен этим заниматься и в какой срок сдать статью. И попробуй не сдай...».

Ну, вот, наконец, прояснилось, откуда ноги растут. Дальше можно было бы и не читать, и не писать ответ, поскольку ясно, сколь «диаматичен» здесь классовый подход, но родился анекдот: «Штирлиц захотел было посоветовать Берии, как..., но, спохватился, вспомнив последние 17 мгновений второй мировой войны в Берлине, и не стал напоминать Лаврентию Павловичу о том, как долго он работал у Мюллера, поняв, что к совету Штирлица Берия мог прислушаться очень своеобразно».

Хотя если почитать более поздние и малоизвестные продолжения «Семнадцати мгновений весны», написанные Ю. Семеновым с оголтело-перестроечных позиций, например, «Отчаяние» (1990), то Штирлиц таки стал давать подобные советы, за что и поплатился. Но мы верим, что на самом деле он был умнее.

Чтобы быть работником буржуазного издательства, достаточно иметь в памяти словарный запас языка страны пребывания, писать то, за что платят. Шаг в сторону и вас ждет увольнение, как Такера Карлсона или пуля, как Чарли Кирка. Чтобы работать в марксистском издании, нужно основательно владеть диаматикой и понять, хотя бы, «Капитал» Маркса.

Главредов в свои издания буржуи подбирают из числа проверенных на подлостях людей, похожих на Коротича, Шендеровича, Киселева, Попцова, Твардовского, Залыгина, а те, в свою очередь, принимают на работу таких сотрудников, которые способны давать материалы антикоммунистической направленности, при этом, троцкист подбирает троцкистов, националист – националистов, республиканец – республиканцев, а демократ – демократов, в зависимости от того, кто спонсирует редакцию, Рокфеллер или Сорос.

В 90-е годы, я тоже был вхож в буржуазные редакции. Однажды опубликовался в демократическом журнале «Новое время» по поводу планов конверсии военной экономики СССР; дважды записывался в передаче Познера «МЫ и время»; четырежды на ток-шоу «Тема» у Листьева; один раз у покойного Уткина, по поводу указа Ельцина о запрете РКРП осенью 1993 году, один раз в программе Киселева, на тему о продаже короткоствольного оружия населению; один раз у Калинина, один раз у Венедиктова, которых сегодня уже никто не помнит... В молчаливости меня не заподозришь.

Так что, с работой некоторых главредов знаком по тем «комплиментам», которыми они меня одаривали, в конечном итоге, перед публикацией или выпуском материала в эфир, особенно Попцов. Они вырезали большую часть материала, а Попцов, полностью. Так что, «плавали, знаем», чем живут буржуазные редакции.

Некоторые из моих школьных уче-

ников, у которых папы были лицами либерально-демократической ориентации и, после институтов, устраивались в буржуаз-

ных издательствах. При встречах, я удивлялся, как быстро они старели, как глубоко вваливались их щеки, а один из них, самый заносчивый на уроках, довольно рано умер от сахарного диабета. Так что, в этой части Быстров прав: «попробуй не сдай...», т.е. продажная дисциплина страха, действительно, царит в буржуазных редакциях.

Оказалось, что Быстров не видит разницы между буржуазным рыночным «планом» и планированием на основе марксистских подходов. Теперь не уверен, что Быстров на вопрос, что такое планирование, четко ответит ленинским определением. Подавляющее большинство членов ЦК КПСС тоже понимали планирование не по Ленину и не по Сталину, а как довольно рутинный процесс установления временной последовательности действий с конкретно обозначенным ответственным исполнителем, в процентах от достигнутого в стоимостном выражении.

Что касается периода хрущевского «социализма», производственная часть пятилетних планов, более или менее была понятна массам, поскольку они фактически сводились к лозунгу: «Пережрать Америку». Что касается «коммунизма», то в хрущевских планах его не могло быть, поскольку предлагалось продолжать лишь совершенствование «социализма» с помощью... развития «социалистических» товарно-денежных и ценовых отношений, роста денежного поощрения **интенсификации** труда рабочих.

Потому-то СССР уже в конце 50-х начал сдавать свои позиции в соревновании с США, а экономисты и служители искусств погрузились в мелкотемье хозрасчета. Поэтому в области социальной стало бурно нарастать мещанство и потребительство. Лозунг «Догнать США» по еде, одежде и обуви ничего не мог дать для построения коммунизма в СССР.

Марксистского издания не построишь, превзойдя буржуазные редакции по жесткости управления кадрами, за счет определения очередности публикаций и высокой покладистости журналистов, рожденной страхом и конкурентной среди них.

Редакции, обслуживающие антагонистические классы, бескомпромиссно антагонистичны. Повторю: для успешной работы в буржуазной пуб-

лицистике достаточно владеть государственной мовой, быть продажным и развратным. Для результативной работы в коммунистической редколлегии абсолютно необходимо владеть диаматикой на уровне не ниже Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Как показал опыт КПСС, все остальные уровни, утвержденные ВАКом, абсолютно недостаточны. Тем временем, на нашем «торте» появляется вторая «вишенка». Быстров уверяет, что

«Те порядки в редакции, которые развили вы, называются не иначе, как кустарщиной, то есть отсутствием централизованного управления».

Оказывается, Быстров не усвоил причины, по которой в категориальном аппарате Ленина, ВСЕ российские социал-демократические (С-Д) кружки числились кустарными, и только группу искровцев к их числу он не относил. Ленин с самого начала формировал редакцию «Искры» как Центральный Орган ВСЕХ социал-демократических кружков России. Т.е., по Ленину, кружковщина есть кустарщина при самом сильном централизме **внутри** каждой организации, доставшемся С-Д кружкам России в наследство от карательной внутренней дисциплины народников, тоже «страшно далеких от народа» и от марксистской науки, существовавших без стремления и умения централизовать все кружки России, вооружив их, прежде всего, знаниями диаматики. Против ленинской концепции централизма открыто, остервенело, похамски и боролся Троцкий.

Т.е. пороки кустарщины, троцкизма и тред-юнионизма времен борьбы за создание РСДРП, определялась Лениным как следствие местничества, злостного отказа части левых от **научного** монизма организационного конспиративного централизма, без малейшего демократизма.

Учитывая этот исторический опыт, журнал «Прорыв» сразу задумывался (по месту и роли научной теории в содержании его публикаций) как пропагандист, агитатор и организатор марксистов всего мира. Поэтому, о какой кустарщине можно говорить? Только с той точки зрения, что бумажная версия журнала в XXI веке печаталась на очень примитивной технике конца XX века, а многое делалось вручную, на коленке. Однако география читательской аудитории стран СНГ,

ближнего и самого дальнего зарубежья, как и **планировалось**, постепенно расширяется. Причем, в наши ряды вливаются не столько беззаветные бунтари, сколько лица, искренне признающие решающую роль чистоты и глубины научной теории в деле прогресса современного общества, хотя, порой, выявляются и «засланные казачки», пытающиеся незаметно разбавить марксизм своим троцкизмом, волонтаризмом, национализмом.

Так что, мягкая плановость и жесткая кадровая политика «Прорыва» продиктована тем, что наши активисты, впервые, за многие годы своей жизни в буржуазном обществе, только-только, берутся за освоение марксизма как глобальной науки. В силу этого, строгое и жесткое планирование тематических, временных рамок и заданий невозможно по объективным кадровым причинам. Активистам «Прорыва» предоставлено право брать на себя личные обязательства, посильные темы и доверять главному редактору обработку их содержания, определять степень научности их логики.

Членам редколлегии, испытывающим невыносимый дискомфорт от вмешательства главреда в содержание и литературный стиль, предоставляется полная свобода для самовыражения за пределами журнала. Как показала практика, бывшие члены редколлегии, как и некоторые инициативные одиночки (Новак, Сарабеев, Голубиани, Радионов), ожидаемо, никаких ощутимых результатов ни в теории, ни в пропаганде, ни в организации не достигли. А потому «Прорыв» продолжает следовать своим курсом, не поддаваясь советам со стороны, страху и суете.

Но «вишенки» кончились и начались «клубнички».

«И не надо, - пишет Быстров, - про то, что у нас тут марксистская, а не буржуазная редакция, в которой работают подневольные люди; или про то, что толковых марксистов мало. Знаем».

И тут опять напрашивается анекдот из поздних советских времен:

«Позовите к телефону Хачика.

— К сожалению, Хачик умер.

— Знаю. И, тем не менее, позовите Хачика к телефону».

Т.е. по мнению Быстрова буржуазная ориен-

тация редакции вещь несущественная, и заикаться на эту тему не стоит, поскольку в работе редакции главное плановость, исполнительность, а централизм заключается не в марксистской научности, а в волевых качествах главреда. Практика загнивания КПСС доказала, что там, где идет борьба главного редактора за моду, хронометрическую, тематическую и финансовую исполнительность персонала, там неизбежно перерождение формально марксистской редакции в реально оппортунистическую. Видимо мне нужно было эпиграфом к каждому номеру журнала писать: «Клянусь в журнале проводить линию марксизма, одного лишь марксизма и ничего кроме марксизма». По моему убеждению, лучше не выпускать никакого журнала, чем наполнять его страницы сырыми, наукообразными, но пустыми статьями, как это было в СССР, например, в журналах «Коммунист», «США и Канада», «Латинская Америка»...

А дальше Быстров допускает оговорку по Фрейду:

«Только вот коли уж речь идет о том, что редакция - ядро будущего ЦК, которое будет обрастать марксистами и со временем станет партией, то без организации, спаянной не только общностью взглядов, но и дисциплиной, и порядком нам не обойтись. И начинать надо с микроуровня, то есть с уровня этого самого ядра, то есть редколлегии».

Во-первых, в марксизме общее довлеет над микроуровнем, не решив общих проблем, мы будем все время на них наткаться, учил Ленин. Во-вторых, если все получится, то редколлегия «Прорыва», рассматривается только как ядро будущего ЦО, а не ЦК, поскольку дееспособный ЦК возможен лишь в случае успешного завершения работы по созданию системы бесперебойной подготовки безукоризненных кадров для ЦО. Если же в результате всех наших усилий СИСТЕМЫ подготовки экспертов диаматики подготовить не удастся, ни о каком ЦО, ПНЦ и ее ЦК говорить не придется. Да и ЦК будет дееспособен лишь в том случае, если большинство в нем будут составлять эксперты ЦО, фактически в качестве комиссаров.

Карьерная лестница в КПСС строилась как периодическая смена партийных и хозяй-

ственных должностей. Успешный председатель горсовета, становился секретарем обкома, а, со временем, как Ельцин, членом ЦК или, как Горбачев, ответственным за плодородный сектор в Политбюро ЦК КПСС. За это же время, можно было три года отсидеть в Высшей партийной школе и, кроме дипломной работы, не написать ничего по вопросам строительства коммунизма, но подняться на ступеньку в должности, как Травкин.

Чем дальше «в лес» углубляется Быстров, тем больше «клубничек» появляется в его тексте.

«Если организация систематически не решает поставленные задачи, – пишет он, – то её деятельность признается провальной, будь она хоть 100 раз марксистской. И персонально виноват в этом всегда руководитель организации, в нашем случае, главред Подгузов».

На самом деле, «главвреда» Подгузова беспокоит не то, чтобы редакция была 100 раз марксистская, а чтобы она была марксисткой по составу авторов, хотя бы один раз и на 99%. Правда, я не знаю случая, чтобы организация была «100 раз марксистская» и отмечалась низкими результатами и дисциплиной. Другой вопрос, что за 23 года пребывания в КПСС я не встретил НИ ОДНОЙ организации КПСС, чтобы она была бы, хотя бы на 10% марксистской.

Приказал Ельцин: КПСС разойдись – КПСС разошлась. Разрешил Ельцин собраться им в КИРФ – собрались. Запретил Зеленский КПУ – КПУ разбежалась... Уверен, некоторые члены КПУ подались в идеологи самостийности и бандровщины.

Поэтому, «как только» по результатам годичной полемики «о задачах коммунистов», я убедился, что некоторые товарищи так и не освоили марксизм в основных его вопросах, я всей группе оппонентов предоставил возможность на деле доказать, что я ошибся, а их дисциплина, сплоченность и продуктивность – достойны подражания.

Историческая практика показала, что организация из двух человек способна создать новую науку, марксизм, что достаточно в организации одного такого марксиста как Ленина, чтобы за 10 дней потрясти МИР. Достаточно в стране од-

ного такого марксиста, как Сталин, Хо Ши Мин, Мао Цзедун или Ким Ир Сен, чтобы управляемые ими страны шли по пути социализма в коммунизм устойчиво и победоносно. После Сталина в КПСС марксистов-теоретиков, тем более, реально авторитетных, не оказалось вовсе, хотя, членов в партии было миллионы. Во времена горбачевщины, в адрес некоторых, наиболее часто мелькавших на ТВ персон с учеными степенями и партийными билетами, восхвалявших экономические реформы Андропова-Горбачева, применялось выражение: «видный советский экономист», а не «марксист-ленинец». В отличие от ленинских и сталинских времен, во времена разгула демократии в КПСС, слово экономист перестало быть ругательным, и произносилось с мечтательной интонацией о будущих больших денежных доходах населения всей страны, а потому финансовая пирамида МММ, быстро набирала обороты.

Быстров пытается «объяснить» его исключение из списка редакции, промахами в работе главреда, которые привели к невыполнению каких-то нерешенных задач и,

«...вместо того, – сетует Быстров, – чтоб в этом честно сознаться и покинуть пост главреда, вы повели себя как слон в посудной лавке, обвинив в невыполнении поставленных задач чуть ли не половину редакции. Причем, смотрю, вы себя закапываете всё глубже и глубже, фактически обвиняя меня, Шевцова, Огиенко в написании для журнала полной фигни. Получается, что вы либо лгали нам тогда, расхваливая эту "фигню", либо лжете сейчас, объявляя все это "фигней".»

Во-первых, все четверо выведены из состава редколлегии не в связи со **срывом** выполнения каких-либо «задач» и систематического написания «фигни», а в связи со стойким теоретическим противоречием, возникшим между членами редколлегии по вопросу о «задачах коммунистов», поставленных Ивановым-Алейниковым, опубликованных Огиенко в ВК. Некоторое время я размышлял над вопросом, не уйти ли мне самому из редакции, когда я обнаружил, что по вопросу о «задачах коммунистов» Огиенко, Быстров, Шевцов и примкнувший к ним Неверов, фактически, поддерживают «сырую» точку

зрения Иванова. Но, оценив соотношение творческих сил и потенциалов, я понял, что правильное будет предоставить поименованной четверке возможность на деле доказать их правоту, реализовав те самые «задачи коммунистов», которые, по их мнению, не содержат в себе никаких абсурдов.

«А вот эта ваша фраза, - пишет мне Быстров, - особенно абсурдна: "Поэтому, во имя продолжения дела, приходится решительно избавляться, тем или иным образом, от неуправляемых субъектов".»

Как выяснилось, мы с Быстрым, по-разному смотрим на значение слова «ДЕЛО». Поскольку развал СССР явился следствием понижения научно-теоретического уровня кадров КПСС до практического нуля, то «Прорыв» взял на себя задачу мотивировать людей с задатка-

ми теоретиков, возродить плеяду мыслителей, которые, в конечном итоге, были бы не ниже Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, и таких, нестигаемых практиков, достаточно овладевших основами диалектического мышления, какими были Дзержинский, Киров, Фрунзе, Калинин, Молотов, Кржижановский, Бонч-Бруевич, Луначарский, Крупская, Макаренко, Щербаков. Куйбышев, Орджоникидзе, Жданов. Считаю, что в этом и состоит «программа максимум» для журнала и именно в этом направлении практика «Прорыва» приносит ожидаемые результаты, которые заключаются не только в том, что, фактически, некоторые прорывцы демонстрируют абсолютно недюжинные способности в области самообразования и самовоспитания, но и в том, что они не чужаются рутинной практики самого разного рода, т.е. способны сочетать

напряженное самообразование, глубокие научно-теоретические исследования, с работой «на земле» с людьми, начавшими задавать себе вопросы, с издательствами, с другими левыми организациями.

«Во имя какого дела? - изумляется Быстров, - Дела коммунизма? Это у вас во имя дела коммунизма четверть века по 3-4 выпуска журнала в год?».

Вопрос из области вершин антиматериализма.

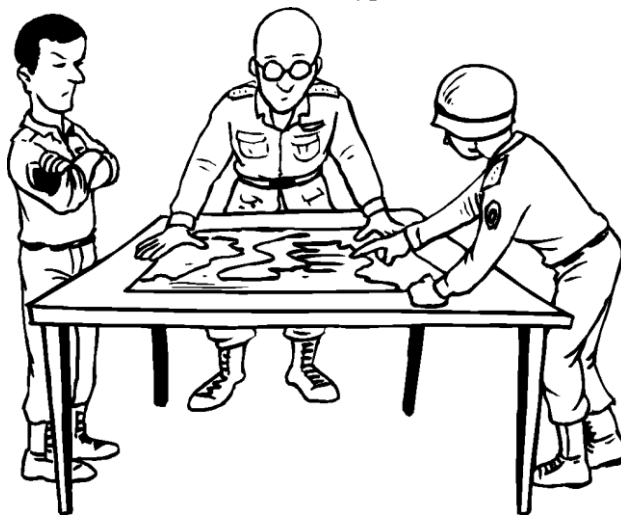
А что, кто-то в РФ выпускает марксистские журналы толще и чаще? Приходится повторять:

дело коммунизма, для меня лично, это не поза, не импульс, а рутинный труд по разработке теории и практики подготовки нестигаемых теоретиков марксизма. Но, отныне, вы, Никита, и ваши единомышленники, если они, на самом деле, таковые, имеете все условия, чтобы показать, сколько журна-

лов, бесспорно марксистского содержания, можно и нужно выпускать. Скоро минет год, как вы избавились от моего тлетворного влияния. Это отлично, если ваш «редакцион-

ный портфель» уже разбух от добротных рукописей.

«Это во имя дела коммунизма, - распаляет себя Быстров еще больше, - бардак в редакции, когда задачи то ли ставятся, то ли не ставятся; то ли все хорошо идет и работают все замечательно, то ли в редакции все сплошь слабые марксисты? Это во имя дела коммунизма Прорыв не смог организовать деятельность расширившегося круга сторонников? Это во имя дела коммунизма вы маниакально на протяжении последних выпусков высасываете из пальца "аргументы" против ряда членов редколлегии, которые не замечены

Так и видим: склонились военные над картой.
- Надо наступать!
- Нужно рассчитать силы и средства, подготовить, сосредоточить...
- Нет, надо наступать!
- Сил не хватает, нужно вставать в оборону...
- Нет, нужно наступать!

в оппортунизме, зато позволили себе критиковать вашу кадровую и редакционную политику? По итогу, журнал скатился к перепечатыванию статей из Прорывиста, которые ничуть не сильнее статей того же Огиенко. Это тоже, видимо, ради дела коммунизма...».

Вопросы, вопросы... «Прорыв» никогда не рассматривал Редина как конкурента. А Быстров с Огиенко, настолько мировоззренчески не соответствуют коммунизму, что считают невозможным перепечатку в «Прорыве» статей Редина, являющегося, в то же время, членом редколлегии журнала. А вот, когда прозвучало моя миниатюрная критическая реплика в адрес заметки Иванова, необдуманно выложенной Огиенко в ВК, стало ясно, где, на самом деле, зрели конкурентные настроения. Возникла полемика, в ходе которой и проявили себя истинные настроения, позиции и низкий уровень овладения марксизмом.

Думаю, что многократное повторение одного и того же **ответа** по существу заданных вопросов, позволит Быстрову, наконец, понять, поставлена ли журналом «Прорыв» вполне конкретная **задача** и выполняется ли она. Главная задача журнала «Прорыв» сформулирована еще в номере первом, а позже несколько раз продублирована в разных редакциях и по разным поводам. Многие ее поняли и своим **напряженным самообразованием и самовоспитанием умножают ряды реальных марксистов современности. Это главное, в работе «Прорыва». Но кадровая ситуация все еще далека от скачка, при котором стихийный рост количества литераторов, признающих принципы ПНЦ, со всей очевидностью подведет сторонников «Прорыва» к ФОРМАЛЬНОЙ фиксации уже РЕАЛЬНО существующего ПНЦ.**

Если же тот или иной эмоциональный, неусидчивый читатель «Прорыва» окажется неспособным заставить себя изучить марксизм-ленинизм самостоятельно и в достаточном объеме, то ни при каких благоприятных условиях он не будет способен выполнить функции, конгруэнтные аутентичному марксизму. В партии опять будет полно троцких, бухариных, хрущевых, андроповых, абалкиных, горбачевых, ельци-

ных, гайдаров, чубайсов...

Миллиарды современных жителей планеты в порядке самообразования, не овладевших марксизмом, стали трагическими жертвами нарастающего обмана и самообмана. Они, подобно слепоглухонемым, не понимают, что вовлечены в создание 500 000 000 000 долларового состояния Илона Маска, который борется за то, чтобы стать первым в истории человечества полным долларовым триллионером, т.е. первым коллекционером наибольшего количества нулей на своих банковских счетах среди всех олигархов мира. Миллиарды людей, в изматывающем темпе трудятся над производством всего того, что необходимо для третьей мировой войны и абсолютно достаточно для полного уничтожения человечества вместе с Соросом, одним из активных ее провокаторов и спонсоров. Миллиарды людей на планете не видят, насколько их сознание ниже муравьиного. Муравьиное «сознание», не позволяет муравьям делать что-либо для полного их самоуничтожения.

Группа, условно говоря, Быстрова была освобождена от работы в редколлегии «Прорыва», в силу оппортунизма их позиции по вопросу о пресловутых «задачах коммунистов», поставленных Ивановым и Огиенко в ВК. Содержание же цитируемого здесь текста, размещенного Быстровым в открытом доступе, лишь постфактум подтвердило господство в его мировоззрении неизжитых оппортунистических начал, неизбежно присущих всем дисциплинированным бывшим работникам буржуазных издательств.

Что касается редакции «Прорывиста», то она функционирует в рамках концепции первичной организации ПНЦ, и ОБЯЗАНА вести работу АВТОНОМНО по развитию и пропаганде марксизма, но под контролем ЦО, определяющего степень научной точности позиции первичной организации. Как показала практика, в зависимости от уровня марксистской образованности актива, первичная организация или укрепляет свою связь с ЦО на основе роста научности подготовки ее членов и успешной практики на местах, либо, постепенно отдаляется от ЦО, в силу обострения оппортунистических мотивов в сознании членов этой организации, т.е. конкурентности, эгоизма, индивидуализма, погони за пер-

сональной славой, мелкобуржуазной революционной истерии. Любая из этих причин может лечь в основу прекращения отношений ЦО с первичной организацией.

В КПСС первичные организации создавались по производственному принципу, и ни один человек в этой организации не обязан был заниматься марксизмом, а лишь образцово выполнять промфинплан.

Каждый прорывист обязан рассматривать себя, прежде всего, как носителя аутентичной теории марксизма и свои профессиональные проблемы разрешать в русле требований познанных объективных законов построения коммунизма. Положительное решение любых технических проблем обязательно сказывается на социальных отношениях со знаком плюс или минус. Только марксизм способен придать техническим новациям всеобщие однозначно положительные последствия в социальной сфере.

«Малотиражки» райкомов и горкомов КПСС отражали сугубо местную партийную, производственную и профсоюзную жизнь данного города, района не выходя за эти географические рамки. В ПНЦ первичная партийная организация существует не для сбора партийных взносов, проведения ежемесячных формальных собраний и выполнения производственных заданий, а как компетентный организатор процесса коммунизации социума в местном масштабе, как это было в ВКП(б) в период борьбы за индустриализацию и коллективизацию страны, в русле стратегии ЦО.

На бочку абсурдных ярлыков, Быстров не пожалел ложку елеса:

«Нет, конечно, заслуги перед делом коммунизма у вас есть. Как у теоретика марксизма. Благодаря вашим статьям интерес людей к нашей платформе возрос. Но ваша "заслуга" и в том, что эти люди дезорганизованы и работают по наитию».

Организованным сторонником «Прорыва» является только тот, кто взялся самым тщательным образом осваивать теорию марксизма, развивать ее применительно к новым условиям и, в отличие от членов поздней КПСС, ТОЧНО руководствуется теорией марксизма, независимо от того, поступают в данный момент циркуляры из ЦК или нет. Более того, в случае плохой ра-

боты главреда, зрелые прорывисты обязаны брать «игру» на себя. Если же после двадцати лет пропаганды концепции НАУЧНОГО централизма, находятся члены редколлегии, которые действуют по наитию, а не по Марксу, то редколлегия «Прорыва» обязана предоставить им полную свободу. Быстров не учитывает, что в настоящее время идет многотрудный процесс роста марксистской образованности НЕЗНАЧИТЕЛЬНОГО числа сторонников НЦ. Такова объективная действительность. Но Быстров настаивает не на НАУЧНОМ централизме, а на РУЧНОМ управлении группкой прорывистов, в большинстве своем, одиночек, хотя, в полемике с Неверовым, Быстров силился доказать, что при коммунизме, т.е. в обществе зрелых марксистов, а, следовательно, и в нашей редакции, где должны объединиться готовые марксисты, управление вообще невозможно, а только самоуправление.

Однако в случае с редколлгией «Прорыва», Быстров, с ехидцей, 10 лет наблюдал за главредом, который не догадался поручить Быстрову, Шевцову и Огиенко разработку статей по вопросам коммунизма. Строго говоря, пока, только Редин и Назаренко действуя в русле принципов НЦ, наращивают свой личный научный потенциал и, уже «вчера», являются организаторами и координаторами деятельных некоторого числа начинающих сторонников НЦ, признающих их авторитет и содержание журнала «Прорыв».

Но, вместо того, чтобы процитировать сообщения самого Редина по этим вопросам, Быстров ударился в фантазии:

«Тот же Редин, - пишет Быстров, - чьи заслуги в освоении марксистской науки вы признаёте, предпочитает в организационном плане не связываться с вами, а публиковаться у себя в Прорывисте. И объемные его труды появляются там же, а не в Прорыве».

Во-первых, это очень неопрятный донос на, якобы, «второе дно» в позиции Редина. Во-вторых, где же еще публиковаться главреду «Прорывиста», как не в учрежденной, и руководимой им, газете с полного одобрения главреда «Прорыва». За все годы обильной переписки с Рединым, по всем теоретическим, тактическим и кадровым вопросам, не имелось ни одного слу-

чая слепого, бессловесного подчинения с его стороны, как и недовольства по поводу перепечатки его статей в «Прорыве». В-третьих, спекуляцией, «штопанной черными нитками», является попытка Быстрова и Огиенко возбудить конкуренцию между руководством «Прорыва» и «Прорывиста» как и их попытка объявить размещение наиболее удачных материалов Редина в «Прорыве», загниванием журнала.

А что думает по этому поводу сам Редин?

«Так что, тут принципиальный вопрос такой — правы ли вожди, за которыми вы пошли, в целом. Если правы, то придётся подчиняться вне зависимости от того, что кажется в частных вопросах. Если неправы, то нужно рвать отношения. «Товарищеский диалог, исключая конкурентность и двурушничество, вместо традиционного возбуждения дискуссий» и есть нечто такое, что поддерживается и управляется сверху, при признании дисциплины и авторитета руководства. Всё сказанное выше не просто умствование. Позиция основана на моём личном опыте нахождения под руководством В. А. Подгузова. Я всегда искренне высказываю свою точку зрения (или говорю, что не имею её по вопросу), я всегда внимательно продумываю и прислушиваюсь к позиции товарищей, я всегда принимаю к исполнению то, что говорит В. А. Подгузов. И всегда оказывается, что первоначальные сомнения или даже несогласия разбиваются о практику. Оказывается, что более умный человек выдаёт нагора решения более адекватные».

А что мешало Быстрову откровенно поделиться своими сомнениями с самим Рединым, выяснить его точку зрения, не заниматься гаданием, задуматься, порассуждать, не переоценивая лесть со стороны Огиенко в адрес «старших товарищей».

«Конечно, - продолжает Быстров, - меня тоже можно спросить, а чего ж я работал при таком бездарном главреде в его журнале... Ну, ... я считаю, моя работа все эти 14 лет была для дела коммунизма полезной, что признавалось и главредом».

Во-первых, в конце концов, спросили жест-

ко, во-вторых, можно ли найти успокоение для совести в похвале бездарного главреда? «Спросите у жены моей...».

«Да, - продолжает Быстров самоанализ, - я видел все эти недостатки с организационной работой, видел отсутствие управления. Просто для меня, как для человека с высоким уровнем организованности, все это не являлось препятствием для работы. Ну работает себе Подгузов, как привык, пусть работает. Тем более, появился и начал развиваться на несколько иных организационных принципах Прорывист. Собственно, я наиболее объемные статьи писал для Прорыва, какие-то в Прорывист, какие-то сам у себя на страничке выкладывал. И никогда у главреда не было к этому претензий».

Во-первых, как раз высокой организованности в работе редколлегии «Прорыва» за Быстрым не замечено. Часто приходилось напоминать именно о сроках. Во-вторых, все сказанное им, «один в один» повторяет ситуацию XX съезда КПСС. Там нашлось лишь несколько делегатов, которые потеряли сознание во время доклада Хрущева, но не нашлось ни одного, который прервал бы этот поток лжи. Позже, не хватило марксистской грамотности и группе Молотова, вознамерившейся сместить Хрущева с поста. С этой задачей, без лишнего шума, бескровно, справился лишь опытный Брежнев и на 20 лет притормозил деятельность шайки товарников-оппортунистов в ЦК КПСС под руководством Косыгина, у которого и Андропов находился в подчинении.

Ныне Быстров заговорил о катастрофических недостатках, которые он, якобы, видел последние 10 лет, но ни разу не попытался обсудить свое видение с виновником загнивания. Будучи, по его словам, высокоорганизованным человеком в союзе с самодостаточным Огиенко, они могли бы и пять лет тому назад взять «игру» на себя. Но ПОЧЕМУ-ТО оба молчали?

«Примечательно, что до последней вашей выходки и фактического разгрома редакции, несмотря на указанные выше недочёты, редакция-то свою программу-минимум выполняла. То есть являлась объединением наиболее толковых маркси-

стов, неким эталоном того, как надо писать. Но вы поддались на провокацию и по липовому, надуманному поводу раздули вместе с Назаренко конфликт в редакции, который привел к тому, что целый ряд толковых марксистов оказались вне редакции. Да, я считаю тт. Шевцова, Огиенко, Неверова (несмотря на его несдержанность) толковыми марксистами. Более того, они и по вашему же недавнему мнению являются толковыми марксистами, коли вы их статьи публиковали».

Выражение бестолковый марксист, как и толковый марксист, — оксюморон. Марксист, т.е. человек, действующий в соответствии с требованиями познанных законов диалектики, он и в Африке, просто, марксист. Но, если учесть содержание пресловутых «задач коммунистов», поданных Огиенко, как бы от имени прорывистов, то, в своем отклике на эту «заметку», я отнес ее к разряду ошибочных, т.е. бестолковых, а автор этих «задач», Иванов, попытался в хамовитой манере доказать мне обратное. Его «адвокаты», Огиенко, Быстров и Шевцов, попытались уговорить меня, что «сойдет и так», хотя, позже, сами отнесли формулировки «задач» к категории «сырых».

Был случай, в середине 90-х в Москве. Под окончание одного из митингов, организованного Анпиловым в рабочий день, на который собралось пару сотен пенсионеров, когда и контролирующие чины московской мэрии, уже стали расходиться в связи с финалом миниатюрной тусовки, горячий пролетарский поэт, Гунько, распаленный собственной заключительной речью, неожиданно для всех разразился истеричным воплем: «К оружию, товарищи!». На суде по этому поводу, Гунько давил на то, что марксизм-ленинизм — главное оружие пролетариата. Насколько я помню, РКРП отделалась символическим штрафом, поскольку в те времена в Москве каждый день продавалось оружие, совершались заказное убийство, вооруженные ограбления или террористический акт.

Основной массив «задач», поставленных Ивановым, кроме скромного призыва в конце заметки приступить к изучению теории марксизма-ленинизма, выглядел примерно так же, как и вопль Гунько, брошенный в кучку бабушек

и дедушек. Я не могу считать и Огиенко толковым марксистом по причине его плохого редакторства.

Что касается Шевцова, то его попытка представить феодализм как формацию, в которой, конкиста, религиозное мракобесие, право первой ночи, колониализм, ростовщичество не являются прологом к худшим чертам капитализма не является марксистской, как и его тезисы о том, что феодалы и капиталисты, просто, эксплуатируют покладастных крестьян и пролетариев, безо всякой ненависти и презрения к ним. Такой подход к анализу эксплуататорских формаций, есть следствие неудовлетворительного понимания Шевцовым закона отрицания.

Можно было ожидать, что в заключение своего расследования выявленных пороков и провалов, Быстров призовет прорывистов к решительной замене главреда у руля «Прорыва». Это было бы и принципиально, и логично. Но вывод Быстрова меня удивил:

«Так вот развал работы вполне удовлетворительно работавшей редакции единственного марксистского журнала безо всякой веской на то причины - есть вредительство и преступление перед делом коммунизма. А что причина реально ничтожна - вы доказываете каждым своим лживым постом. У нас тут достаточно развитая в научном плане публика, чтоб понять истину с первого раза. Как то было в случае с Сарabeeвым и другими. А вот ложь приходится многократно повторять, чем вы тут системно и занимаетесь».

Во-первых, Быстрову самому следовало бы разобраться, когда он лжет про загнивание «Прорыва» по вине главреда, а когда говорит правду о **«вполне удовлетворительно работавшей редакции единственного марксистского журнала»**.

Во-вторых: причина не может быть ничтожной. Причина, или она объективно существует, или причины объективно нет. Она всегда объективная. Даже различие в уровнях освоения диалектики, есть объективный факт и субъекты, вступающие в отношения между собой в условиях наличия факта разной философской подготовленности, обречены на антагонизм.

К сожалению - это не единственная «непонятка» Быстрова. Подобные упрощения царили в его сознании ближайшие десять лет и сказались на содержании его последних статей, предложенных в «Прорыв», но содержащих в себе уже грубые ошибки при рассмотрении диалектики объективных законов, независимо от воли и сознания людей, конкретных решений, выработанных генсеками с разной философской вооруженностью, писанных юридических законов, принятых голосованием законодательными органами и применяемых конкретными чиновниками разной политической ориентации без диалектических знаний. Мои подозрения в философской неподготовленности Быстрова получили худшее подтверждение в содержании цитируемой заметки Быстрова из «Марксистских бесед о «Прорыве» в ВК.

Слово «причина» используется для обозначения конкретных **противоположностей**, отношение, связь которых и приводит материю в вечное движение, ведущее к развитию содержания, к изменению форм явлений материальных объектов, к изменениям в их отражении в индивидуальном и общественном сознании. Если есть субъекты, с разным наполнением сознания, **вступившие между собой в отношения**, те или иные виды связи, значит, будут и последствия.

Ничтожным может быть субъективное отражение объективной причины. Ничтожными могут быть познания, в том числе, в области марксизма. Знания не только могут отсутствовать полностью, что не так трагично, но и уйти в нарастающую противоположность по отношению к истине, что многократно хуже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ работы главреда «Прорыва», проведенный Быстровым, к сожалению, не пригоден в качестве руководства к действию, исправлению ошибок, поскольку, увы, соткан из эмоций, теоретических ошибок и противоречий, т.е. утверждений, отрицающих друг друга по поводу одного и того же явления. С одной стороны,

главред лжец, бездарь и бездельник, а с другой стороны, имеет заслуги в деле наполнения журнала «Прорыв» материалами, содержание которых позволяет, нарастающему числу читателей, относить журнал к категории единственного марксистского в РФ.

С одной стороны, по мнению Огиенко и Быстрова, деградация журнала «Прорыв» достигли дна, тянет за собой и газету «Прорывист», исключительно по вине главреда, а с другой стороны, обсуждая этот вопрос в ходе полемики с Неверовым, по поводу исторических судеб отношений управления, Быстров с Огиенко приходят к выводу, что

«Всё [в редакции «Прорыва», – В.П.] работало нормально, и надо было так всё испоганить. И, главное, ради чего... Большой услуги классовому врагу - сложно представить. А учитывая текущий момент, и подавно».

Я тоже уверен, что редакция «Прорыва» работала и работает нормально, в гармонии с конкретно-историческими условиями, степенью научно-теоретической зрелости кадров, но не нормально то, что люди, называющие себя марксистами, оказавшись за пределами, по их мнению, тлетворного, тормозящего влияния главреда, получив возможность показать, как, на самом деле, должна работать редакция, состоящая из «толковых марксистов», считают свое освобождение наибольшей услугой классовому врагу. Тут даже не нужно гадать, являются ли знатоками марксизма эти «самодостаточные» люди, которые не знают, с какого бока следует подступить к делу организации журнала, более марксистского, чем «Прорыв».

Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Положение, в котором оказался Быстров, называющий сам себя «человеком с высоким уровнем организованности», вынудило его серьезно задуматься и прийти к выводу, что «*писать надо больше и лучше, чем в «Прорыве», тогда от нас будет толк*». С этим не поспоришь. Осталось только выяснить, что, предварительно, для этого нужно сделать. В «Тезисах о Фейербахе» у Маркса есть ответ и на этот вопрос.

ФИЛОСОФИЯ

Про обыденное мышление

Анатолий РЕДИН

Обыденное мышление — это корпускулярный, бессистемный, лишенный научности процесс отражения окружающего мира в пределах повседневного обихода человека. Изначально обыденное мышление складывается стихийно у детей. В ходе нормального взросления, образования, расширения кругозора, узкопрофессиональной практики, углубления качества деятельности и расширения социальных связей оно приобретает большую системность, адекватность в узком спектре общественного бытия, прогностичность, оставаясь, тем не менее, обыденным, т.е. недостаточно научным.

Обыденное мышление, присущее большинству современных, в том числе, дипломированных мещан. Оно есть прямая противоположность научно вооружённой сознательности.

Более того, обыденное мышление противоположно до степени антагонизма к любознательности, тяге к познанию, экспериментированию, к обобщениям и, в целом, ко многим талантам, присущим человеку от рождения.

Бывает так, что, достигнув определённых высот в реализации отдельных своих природных задатков, человек прекращает личностный рост, упираясь в потолок способностей и буржуазных «ценностей». Это связано прежде всего с тем, что, в мышлении своём, он остался обывателем.

Обыденное мышление может быть замкнутым, индивидуальным, вплоть до профессионального кретинизма. А может быть групповым в связи с этнической, классовой компонентой, целенаправленно формируемой оплаченным рыночным искусством, системой образования, государственной пропагандой, силовыми структурами, заказными убийствами. Групповое обыденное мышление часто поверхностно наблюдается также в связи с склонностью молодёжи к психически-эмоциональной заражаемости, то есть моде.

Мощным средством противостояния всему этому арсеналу средств и приёмов упрощения мышления миллиардов людей является самообразование.

При правильном формировании личности баланс первичных и интеллектуальных потребностей постоянно смещается в сторону последних как раз за счёт возрастающего качества мышления, новых знаний и осознаний, прежде всего общественной сущности себя и окружающих процессов.

С точки зрения понятийного наполнения, обыденное мышление представляет собой компот из обрывков отсталых представлений, предрассудков, суеверий, стереотипов, модных и сиюминутных веяний. Но методологически, в своей основе, обыденное мышление строится на прагматизме.

Прагматизм может и должен полно раскрываться не в мышлении как таковом, а в поведении человека. Поэтому важным условием обыденного мышления является его грубая предметность, житейскость, непосредственная связь с практикой обихода и материальными интересами человека, зачастую сиюминутными.

Рыбка ищет где поглубже, человек — где лучше. Всё ради спокойного уюта мелкобуржуазного существования и обывательского благополучия. Естественно, до первого прилёта натовского дрона в форточку квартиры с невыплаченной ипотекой...

Так что важнейшей характеристикой обыденного мышления является беспринципность. Даже не в смысле отказа от принципов из-за выгоды, а их отсутствие. Принципы, какие-то системные идеи, представления, убеждения в целом относятся обыденным мышлением к так называемой голой теории.

Впрочем, пару принципов всё же обыденное мышление в себе заключает. Например, следо-

вание прагматизму и выгоде — вполне можно считать принципом. Ключевой особенностью обыденного мышления является разрыв между теорией и практикой, который фиксируется или сознательно, как раз как принцип, или как полное непонимание связи теории и практики.

Замечательным и распространённым примером применения данного принципа является школярский вопрос: зачем мне это знать? как мне это пригодится в жизни?

Как известно, чудовищное и пагубное воздействие на мышление людей оказывают товарно-денежные отношения, в том числе отношения наёмного труда, которые демотивируют буквально с малых лет (когда родители превращают поощрения в обмен: сделай уроки — поиграешь в компьютер). Обыденное мышление, как кисель, подстраивается под господствующие буржуазные отношения, пропитывается денежными и обменными устоями. Это настолько глубоко поражает психику людей, что им зачастую сложно объяснить, что такое любовь, дружба, долг, общественный интерес, честь, достоинство. Все эти явления они начинают трактовать с точки зрения подходов: ты мне, я тебе; взять побольше, дать поменьше. Обыденное мышление при капитализме представляет собой обывательщину.

Уровень развития общества таков, что широкие народные массы состоят из людей преимущественно обыденного мышления. Но это не означает, что народное мышление или классовое мышление исчерпывается обыденным. Наоборот. Обыденное мышление — это мышление отдельного, как бы искусственно изолированного человека. Это частное мышление. Обыденное мышление по своей природе противоположно общественной сущности человека, оно возникло как атрибут частных отношений собственности.

Мышление же масс — это то общее, что присуще множеству людей, составляющему объективное единство, объективно ежедневно соединяемому в группу. Мышление масс исключает частное и обыденное по самой своей сути.

Главным источником мышления масс является народная память, условно состоящая из исторической памяти и выводов из недавнего прошлого. Историческая память народа зафиксирована в однозначных тезисах, усвоенных с детства, которые явно не противоречат обстоятельствам сегодняшнего дня. Выводы из недавнего прошлого — это синхронная реакция на значи-

тельные события и процессы, прямо или опосредованно затрагивающие интересы и чувства абсолютного большинства народа.

Например, большинство нашего народа обладает устойчивой исторической памятью о значении Великой Отечественной войны и о ярких достижениях советского периода. Это объективно, то есть стихийно, сложившаяся система представлений большинства, которую не может поколебать никакая пропаганда. Хорошо видно, как буржуазия вынуждена подстраиваться под эту историческую память.

К выводам народа из недавнего прошлого, например, относится общее разочарование нашего народа Западом и отрицательное отношение к империализму, в том числе в виде фашистских или либеральных политических проявлений.

Грубо говоря, выводы из недавнего прошлого постепенно переходят в историческую память. Так народ учится, как правильно, преодолевать трудности и невзгоды, переживая трагедии, не имея пока возможности теоретическое осмысление поставить перед практической деятельностью. Такова особенность уровня развития людей в классовых обществах, и это изменится к лучшему только при зрелом коммунизме и со сменой нескольких поколений.

В этом смысле говорят: глас народа — глас божий.

То есть народная память и мышление масс — это то, что невозможно поменять никакими словами и к этому следует относиться как к данности. Попрекать народ в тупости и обывательщине нельзя. Но тупость и обывательщину следует нещадно обличать в отдельных людях, слоях и прослойках.

Поскольку наиболее деятельная и подвижная часть народа представлена пролетариями, постольку все замечания выше относятся и к пролетариату. Разумеется, до момента его формирования в работающий (рабочий) класс. Когда пролетарские массы организованы партией в класс, главным источником мышления класса становится теория, выраженная в программе. Это первый в истории случай, когда большая, организованная группа людей, составляющая значительную часть общества, сначала думает, а потом делает. Всё это возможно благодаря, с одной стороны, руководству партии, которое выдвигает лозунги (т. е. цели борьбы) и претво-

ряет их в жизнь, с другой — росту сознательности и научности мышления.

Если же мы говорим о большом количестве людей, не составляющем такого единства, как класс, народ, если люди разрознены, не соединены каким-либо единым порывом или обстоятельствами, то перед нами не что иное, как обывательская масса. Обывательская масса — это простая сумма обывателей, стихия, изредка превращающаяся в толпу.

Обыватель при капитализме — это потенциальный паразит, не реализовавшийся буржуа, личинка олигарха. Поэтому обывательство и тесно связано с прослойкой мелкой буржуазии.

Забавно, что буржуазные политики иногда оправдывают жёсткость и жестокость государства обывательским характером масс. Мол, с народом по-другому нельзя, люди всякую лазейку найдут, везде норовят надурить, обмануть государство и т. д., поэтому приходится принимать крутые меры и строго спрашивать. При этом они как будто не замечают, что все крупные, средние, мелкие буржуа и представляют собой воплощение именно этих качеств. А вместе с ними и почти все крупные, средние, мелкие чиновники, которые не могут не копировать признаки господствующего класса. Ибо буржуа — это реализовавший себя обыватель. Буржуа при капитализме есть великий и единственный пример для обывателя в его обывательстве.

Основная заслуга в формировании обывательского мышления, запирающего людей в сфере обыденности, принадлежит обстоятельствам и условиям жизни при капитализме, прежде всего отношениям денег.

Притом одни и те же люди в одной ситуации могут вести себя по-обывательски, а в другой — проявить единство народа или выступить как революционный класс.

Борьба с обывательством абсолютно бес-

плодна без борьбы с буржуазией, а затем без уничтожения буржуазных отношений и формирования коммунистических. Обывательство — это отражение глупости классового деления и классовых отношений. Без глупцов был бы невозможен капитализм, потому что производственные отношения капитализма базируются не столько на насилии, сколько на обмане и дурных иллюзиях.

Вместе с тем бесплодна борьба против буржуазных отношений без бескомпромиссной борьбы с обывательщиной, которая является мощным кадровым резервом буржуазии. Это наглядно показал крах СССР. Очевидна как связь особенностей обыденного мышления и оппортунизма, так и негативное влияние масс обывателей в политике. В общем и целом, во-первых, оппортунизм и обывательщина — двояродные братья, а во-вторых, оппортунисты всегда опираются на обывательскую массу.

Сентябрь — октябрь 2025

ФИЛОСОФИЯ

Теория и практика коммунистической партийности в литературе

Бронислав

Нередко вслед за Горбачевым, Ельциным, Собчаком к числу разрушителей СССР относят Солженицына, Астафьева, Аксенова и некоторых других «мастеров и маргариток» художественного слова, чьи антикоммунистические произведения, интервью и поступки оказали неоценимую услугу советскому оппортунизму и западному фашизму в деле преодоления «ужасов ленинизма-сталинизма». Высокопоставленные противники коммунизма хорошо понимали, что традиционное для России уважительное и внимательное отношение к общественно-политическим взглядам писателей может сыграть злую шутку с КПСС, авторитет которой к моменту перестройки стремительно летел в бездну. Одновременно с этим антикоммунистическая истерия нашла себе художественное воплощение в множественных произведениях, легально опубликованных только в годы «демократизации и гласности», когда со всех сторон на советского гражданина хлынули волны мелкобуржуазного читая, сбросившего с себя «оковы» тоталитарной цензуры и ограничения там- и самиздата. Более того, ряд писателей, участвовавших в разрушении СССР, делали это как бы заочно, «с того света», поэтому им не удалось насладиться плодами «борьбы за свободу и независимость» в виде эпидемий алкоголизма, наркомании, идиотии, СПИДа, фашизма, расизма, шовинизма, проституции, безграмотности, безнравственности и иных психофизиологических и духовных недугов, захлестнувших в девяностые Россию и страны ближнего зарубежья.

Большая же часть тех литераторов, кому «посчастливилось» пожить при капитализме, не успокоились, продолжив клеветать на марксизм с монархических, либеральных и фашистских позиций¹, заполняя полки книжных магазинов клеветнической и порнографической беллетристикой. Впоследствии наравне с антикоммунистической пропагандой в литературной среде пышным цветом расцвела пропаганда конкретно-политическая, форма которой определялась тем, какое начальство было ближе тому или иному писателю: симпатии к американскому или европейскому империализму выражались в «антиавторитарных» проповедях новой демократизации, требующих свержения пропутинских правительств путем «цветных революций»²; симпатии же к российскому империализму выливались в пропаганду православного патриотизма и абстрактного антизападничества, допускающего фрагментарную и контролируемую ресоветизацию³.

В этом контексте стоит заметить, что вожди, создавшие и укрепившие Советский Союз, хорошо понимали, сколь велико политическое значение литературы в период ликвидации без-

¹ Ярким примером современного писателя антикоммуниста является Г. Яхина, чей роман «Зулейха открывает глаза» был удостоен самых престижных премий и, конечно, денежного поощрения со стороны правящего класса [<http://government.ru/news/40368/>]. Можно также вспомнить белорусский аналог Яхиной, С. Алексиевич, получившую нобелевскую премию по литературе за антикоммунизм и прозападную оппозиционность Лукашенко.

² Акунин, Глуховский, Быков, Улицкая.

³ Прилепин, Проханов, Лукьяненко.

грамотности и строительства первой фазы коммунизма, какое влияние литература способна оказывать на умы пока ещё мелкобуржуазно настроенных и мыслящих масс. Поэтому-то, например, компартия во главе со Сталиным занималась постепенной централизацией литературной деятельности, партийным контролем за литературой как одной из важнейших областей коммунистической пропаганды. К сожалению, пришедший после Сталина Хрущев использовал литературу для атаки на Вождя, подготовив сторонников «оттепели» к последующим боям на литературном фронте эпохи «нового мышления». В свою очередь брежневско-сусловский опыт частичной реставрации коммунистической партийности в литературе лишь временно и фрагментарно замедлил развитие десталинизации литературы, не повернув этого процесса вспять. Наступившая перестройка вывела художественную самостоятельность шестидесятников на уровень мировоззренческого «мейнстрима», нанеся тем самым мощнейший удар по советской идеологии «развитого социализма», в очередной раз показав, какую важную политическую роль способна играть литература. Эту простую истину понимают и современные политики, поэтому даже сегодня, когда «фильм, игра и песня» превзошли «книгу» по уровню популярности, крупные писатели не могут пожаловаться на недостаток внимания со стороны правящих классов, какого бы характера это внимание не было⁴. При этом, несмотря на кризис постсоветской литературы⁵, у современных марксистов не должны возникать сомнения относительно важности литературы как мировоззренческого компаса в будущем коммунистическом строительстве, что требует известного внимания к литературной проблематике. Однако, прежде чем размышлять о литературе будущего, необходимо изучить теорию и практику литературы прошлого.

Глава 1. Об отношении литературы к действительности

*«Не тот поэт, кто гладко пишет
и рифмы звонкие плетет.
А тот, чей стих борьбою дышит
и к новым формам мир зовет.
Лишь тот поэт и бард вселенной,
кто, позабыв давно парнас,
движенью жизни современной
слагает гимны каждый час.
Но ты ль достоин называться
поэтом, бардом и певцом,
когда удел твой — преклоняться пе-
ред заезженным словом».*
И. Логинов

Литература с момента своего появления всегда была инструментом оправдания или критики существующего общественного уклада; писатели всех времен и народов или восхваляли, или порицали окружающую их действительность, не имея возможности жить в обществе и быть от него независимыми. При этом если одни открыто заявляли о своих предпочтениях, то другие провозглашали себя сторонниками идеи «чистого искусства»⁶, как бы парящего над общественными противоречиями и скрывающего интересы своих представителей под маской надклассовости и беспартийности. В действительности же оказывалось, что представители второго, формалистическо-беспартийного течения, хотели они того или нет, все равно сражались на стороне одной из воюющих партий. Стоит, правда, заметить, что в истории литературы теоретики и практики «чистого искусства» представлены не так богато, как открытые сторонники рабства, феодализма или капитализма⁷; лишь в XX веке идеологи и лакеи буржуазного рабовладения разглядели весь античеловеческий потенциал формализма, выдвинув его вариации на ведущие позиции в мировой литературе. Подобное изменение политического и культурного «ландшафта» потребовало от марксистов достойного ответа, чем и стала статья Ленина «Партийная организация и партийная литература», о которой ни-

⁴ Доказательством чему служит покушение на З. Прилепина, совершенное в мае 2023 года.

⁵ Так, писательница О. Николаева и журналист А. Красовский в интервью, опубликованном в мае 2025 года, долго обсуждали проблемы современной русской литературы, ее низкую популярность среди населения (особенно молодого), скромное число хороших современных писателей, всеми силами стараясь не замечать огромного капиталистического слона в литературной лавке [https://vkvideo.ru/video-218655765_456243330].

⁶ Иначе: «искусство для искусства», формализм, эстетизм.

⁷ Вплоть до XIX века партийной литературе в лице Эсхила, Софокла, Аристофана, Горация, Лукиана, Августина, Данте, Петрарки, Боккаччо, Эразма, Гуттена, Мора, Рабле, Шекспира, де Вега, Свифта, Кальдерона, Филдинга, Вольтера, Дидро, Радищева и др. противостояли лишь некоторые относительно известные направления и школы беспартийной литературы: александрийская школа, маньеризм, гонгоризм.

же и пойдет речь. Однако, прежде чем обращаться к теории коммунистической партийности в литературе, стоит подробнее остановиться на содержательной стороне и истории антикоммунистической партийности в форме идеологии «искусства для искусства».

Философско-эстетические основания «чистого искусства» были сформулированы еще Кантом в его знаменитой книге «Критика способности суждения»: непоследовательность и противоречивость мышления немецкого идеалиста, нашедшие себе место в его гносеологии, не обошли стороной и его эстетическое учение, согласно которому познание прекрасного есть беспристрастное восприятие формы⁸. Но Кант лишь заложил теоретический фундамент формалистической концепции, ставшей впоследствии одним из господствующих направлений в европейском и мировом искусстве. Рост ее влияния в основном был связан с негативной реакцией значительной части интеллигенции на результаты французской буржуазной революции, на те кровавые формы, что приобрела борьба за свободу, равенство и братство в годы якобинской диктатуры и последующей за ней эпохой реставраций-революций⁹, принесшей в европейскую реальность новые буржуазные ценности поклонения «золотому тельцу». «Чистое искусство», по их мысли, как бы парило над общественной заразой, создавая фантастические миры, чуждые порокам капитализма; оно представало в качестве способа преодоления, с одной стороны, чрезмерной политизации просветительской литературы, с другой — грязи новой реальности, отражать которую якобы призывали реалисты. Но, подвергнув справедливой критике наступившее царство чистогана и меркантильности, они не сдвинулись с мертвой точки поверхностного антибуржуазного критицизма, оказавшись в ловушке собственных малограмотности и снобизма. Смириться с капитализмом невозможно, предложить коммунистическую альтернативу — тем более, поэтому формализм оказывается не способным подняться выше идеологии «чистого искусства», оставив разработку положительного содержания общества и искусства будущего

другим мыслителям. Иными словами, крушение идеалов буржуазной революции, распространение представления о неразрешимости общественных противоречий, отсутствие научно-разработанной альтернативы капитализму — все это приводило литературу к формализму, беспартийности и замыканию в самой себе, к принижению литературы до уровня бессодержательного развлечения, вариации эскапизма. Наиболее предметно идеология «искусства для искусства» была сформулирована французским поэтом Теофилом Готье¹⁰ [10], который утверждал следующее:

«...В искусстве сюжет безразличен и ценность его определяется лишь степенью выраженного идеала и совершенством стиля художника. <...> Искусство для искусства — это творчество, освобожденное от всех стремлений, кроме стремления к совершенству выражения. Современная школа в искусстве ставит своей целью выразить прекрасное при полной беспристрастности и абсолютной незаинтересованности художника, который не стремится добиться успеха благодаря каким-либо тенденциозным намекам, чуждым избранному сюжету. Мы убеждены, что только в этом состоит философское понимание искусства. <...> Произведение искусства не должно быть бумажной оберткой горьковатого морально-философского драже; искать в искусстве иной пользы кроме выражения прекрасного значит высказывать ограниченность ума, неспособного постигнуть дыхание возвышенного и подняться до больших обобщений... <...> Пусть каждый художник всегда избегает ставить искусство на службу философской школе или политической партии, пусть повозки, груженные различными теориями, медленно тащатся по глубоким рывинам, художник вправе считать, что, создав благозвучную строку, прекрасное лицо, гармоничный торс, в которых выразились поиски вечно прекрасного, он сделал для прогресса человечества не меньше любого практика. <...> Искусство для искусства

⁸ Кант И. Критика способности суждения (1994 г.), с. 72.

⁹ «...Установленные "победой разума" общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2 изд., т. 19, с. 193).

¹⁰ Авторству Готье принадлежит также известное стихотворение «Искусство», в котором идеология «чистого искусства» изложена в поэтической форме.

вовсе не означает форму ради формы, но это значит, что цель искусства — выражение прекрасного, что оно должно быть свободным от всяких посторонних идей, свободным от служения какой-либо доктрине»¹¹.

Однако в противоположность беспартийной литературе появлялись зачатки коммунистического понимания литературы, нашедшие свое воплощение в трудах русских дореволюционных материалистов XIX века в лице Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, призывавших литературу гневно обличать существующие человеконенавистнические порядки, утверждавших, что писатель, имеющий возможность писать только благодаря каждодневному тяжелейшему труду крестьян и рабочих, не имеет права игнорировать важнейшие проблемы своего времени. Полемизируя с эстетизмом, они пропагандировали народность в литературе, необходимость участия литературы в борьбе народа за освобождение от эксплуатации, выступая против Анненкова, Дружинина, Боткина и других отечественных сторонников идеологии «искусства для искусства»¹². Логика понятна: о каком чистом и надклассовом искусстве может идти речь, когда большая часть населения духовно и физически подавлена, когда народ вынужден умирать в поте лица ради счастья и благоденствия беззаботно прозябающих господ, когда репрессивная система государства подавляет развитие научного мировоззрения, насаждая в науке и в быту обскурантизм и идеализм? Как может человек, называющий себя «совестью нации» и кричащий о собственной интеллектуальной и нравственной исключительности, — как он может закрывать глаза на вопиющую несправедливость существующего строя, на господство невежества, тормозящего прогрессивное развитие Родины и всего человечества? Не желая мириться с подобным положением дел, революционные демократы провозгласили войну идеологии «искусства для искусства»: в условиях суровой царской цензуры именно литература должна была, по их мнению, стать главным инструментом просвещения трудящихся масс, способом донесения до народа той мысли, что они в

силах изменить существующие античеловеческие условия; писатель же должен быть в первую очередь гражданином, борцом за народное счастье, «певцом правды». Литературная критика революционных демократов была тем самым своеобразной формой критики политических и философских основ существующего строя, формой, вызванной к жизни спецификой исторического момента; поэтому и писателей они воспринимали как потенциальных союзников, обязанных поддерживать литературную критику в её благородных устремлениях, помогать ей в нелегком деле разоблачения феодального империализма Романовых.

Научным же прорывом в науке о художественном слове стало ленинское учение о коммунистической партийности литературы¹³, изложенное им в статье «Партийная организация и партийная литература»:

«Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, “барскому анархизму” и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме. В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, “коле-

¹¹ История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли, т. 3, с. 679-680.

¹² См., например, рассуждения Дружинина в кн. «История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли», т. 4, с. 426-429.

¹³ Стоит заметить, что о партийности литературы за десятилетия до Ленина писал теоретик народничества, Петр Лаврович Лавров. Однако его понимание партийности было ограниченным и антикоммунистическим: «Всякая партия предполагает, что она защищает истину. Если художник усвоил себе одно из господствующих убеждений, если он в данную минуту проникся этим убеждением и воплотил его в стройное произведение — тем лучше для партии, которой он подал руку. Он создал прекрасное произведение в духе известной партии, не для полемики во имя ее, а потому, что временно это было его убеждение, стройно согласенное им с образами внешнего мира» (История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли, т. 4, с. 506).

сиком и винтиком” одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы»¹⁴.

Развивая принципы русских материалистов XIX века, Владимир Ильич отождествил литературную работу с работой партийной, с работой конкретно политической, противопоставив «свободное popisывание» постоянной и целенаправленной партийной работе. Так называемая пролетарская дисциплина должна была, по мысли Ленина, стать формой внешнего контроля за деятельностью литераторов и публицистов, внутрицеховые традиции которых часто не позволяли отказаться от идеологии «свободы творчества». Барский индивидуализм, расцветший в условиях капиталистического декаданса, привил писателям любовь к анархической фразе о свободе творчества, что сильно затрудняло осмысление интеллигенцией понятия свободы в его научном, а не обывательско-обыденном смысле. В среде писателей традиционным стало мнение, будто бы литературное творчество ценно не тем, что оно раскрывает сущность общественных явлений, воспитывает и направляет, а одним лишь тем фактом, что оно... существует; будто бы уже одного того обстоятельства, что творец изволил изложить на бумаге свое «духовное я», достаточно для того, чтобы провозгласить свободу и самоценность его творчества в качестве образца для подражания и примера для поклонения. Нетрудно обнаружить в написанном выше мнении не только перманентный источник интеллигентских чванливости и тщеславия, но и ту функцию защиты и оправдания классового общества, которую играет подобная литература; **ибо рост количества и падение качества навязываемых образцов мысли и поведения обратно пропорциональны пониманию простого человека, чем ему руководствоваться в своей деятельности, на что ему опираться, сообразно какому сценарию ему жить.** Это и есть «политика литературы», когда кажущаяся беспартийность писателей фактически вскрывается как политическая деятельность по пропаганде вредных пробуржуазных идей и взглядов,

по дезорганизации и деморализации народных масс, ибо **чем больше мнений по тому или иному вопросу, тем простому человеку сложнее обнаружить среди этих мнений истину, верно отражающую реальность и направляющую его деятельность в общественно-прогрессивное русло.** А так как общественное бытие определяет сознание тех, кто не обладает научным мировоззрением, то подавляющее большинство населения под давлением капиталистических отношений насилия и продажности зачастую мыслят, как обыватели и эгоисты. Поэтому-то Ленин в своей статье и вопрошал: о какой свободе творчества может идти речь в условиях зверства феодально-капиталистического империализма, в условиях разнузданной реакции, полицейского беспредела, массового материального и духовного обнищания населения, господства военного и политического авантюризма правящих классов, нарастающих темпов милитаризации и колонизации Земли? В действительности писатели, старающиеся оправдать собственные трусость, безволие и бессовестность, всего-навсего пытаются спрятаться за лозунг о беспартийности, маскируя предательство и/или неучастие в судьбах Родины и Человечества. Более того, беспартийность есть иная сторона антикоммунистической партийности¹⁵, ибо «свобода творчества при капитализме», хотя того или нет ее сторонники и проповедники, имеет своим следствием открытое или скрытое приукрашивание действительности, полное или частичное игнорирование ее ужасов, что способствует нормальному функционированию системы стабилизации капитализма путем отупления населения и отвлечения его внимания от общественных противоречий. И сколько бы писатели ни пытались доказать свою интеллектуальную независимость, они зачастую

¹⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 12, с. 100-101.

¹⁵ «В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий. Беспартийность есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных; “воздержаться” нельзя в капиталистическом обществе от участия в обмене продуктов или рабочей силы. А обмен неминуемо порождает экономическую борьбу, а вслед за ней и борьбу политическую. Равнодушие к борьбе отнюдь не является, поэтому, на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 12, с. 137).

подчинялись этому правилу, становясь на позиции тех, кто больше платит, что, например, было доказано лауреатами сталинских премий, сначала покорно и двулично получавших десятки и сотни тысяч советских рублей, а затем, после известных событий, наперегонки помогавших дорогому Никите Сергеевичу в непростом деле развенчания культа личности.

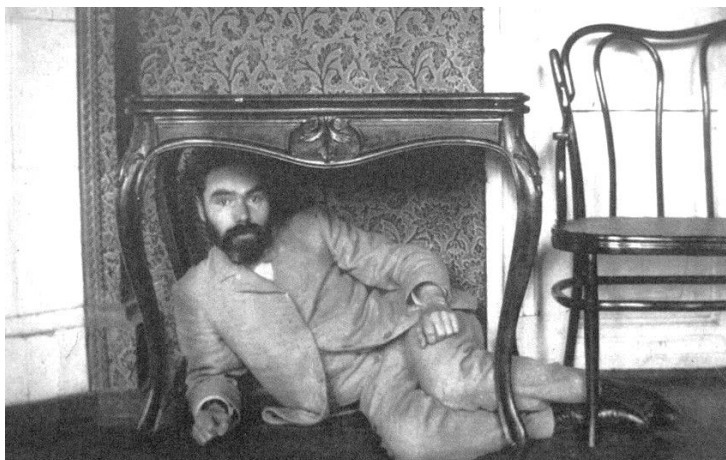
Таким образом, Ленин в своей статье провозгласил отказ от барского индивидуализма, деструктивным образом действующего как на писателей, так и на читателей. Научно-централистский тезис о верховенстве истины над «свободным» мнением был применен к той области человеческой деятельности, которая до того казалась неприкасаемой и не способной работать в режиме «приказ-исполнение». Даже литературные критики, ставшие к тому времени неотъемлемой частью «пространства литературы», не позволяли себе «наглости» указывать писателям на необходимость осуществления своей деятельности в рамках партийной дисциплины. Легко

представить, какую реакцию вызвали подобные заявления Ленина у сторонников и сочувствующих социал-демократии из среды интеллигенции.

К примеру, один из главных представителей русского символизма, поэт Валерий Брюсов, вскоре после публикации статьи Владимира Ильича выступил с резкой критикой в адрес теории коммунистической партийности в литературе:

«...Меньше всего в его [Ленина] словах истинной любви к свободе. <...> По точному смыслу его определения обе литературы не-свободны. Первая тайно связана с буржуазией, вторая открыто с пролетариатом. Подавляющее большинство населения становится на те или иные взгляды не сознательно, а стихийно, под давлением господствующей или оппозиционной ей идеологии, преимущество второй можно видеть в более откровенном признании своего рабства, а не в большей свободе. <...> Мы не можем не видеть, что социал-демократы добивались свободы исключительно для себя, что париям, стоящим вне партии, крохи свобод достались случайно, на время, пока грозное “долой!”

не имеет ещё значения эдикта. Слова социал-демократов о всеобщей свободе тоже “лицемерие”, и мы, писатели беспартийные, тоже должны “сорвать фальшивые вывески”. <...> ...Членам социал-демократической партии дозволяется лишь критика частных случаев, отдельных сторон доктрины, но они не могут критически относиться к самым устоям доктрины. Тех, кто отваживается на это, надо “прогнать”. В этом решении — фанатизм людей, не допускающих мысли, что их убеждения могут быть ложны.

Поэт-символист В. Брюсов во время полу-шуточного спиритического сеанса. В вопросах свободы он так и остался «под столом».

<...> Почему однако осуществленная таким способом партийная литература именуется истинно-свободной? Многим ли отличается новый цензурный устав, вводимый в социал-демократической партии, от старого, царившего у нас до последнего времени? <...> Екатерина II определяла свободу так: “Свобода есть возможность делать всё, что законы позволяют”. Социал-демократы дают сходное определение: “Свобода слова есть возможность говорить всё, согласное с принципами социал-демократии”. Такая свобода не может удовлетворить нас, тех, кого г. Ленин презрительно обзывает “гг. буржуазные индивидуалисты” и “сверхчеловеки”. Для нас такая свобода кажется лишь сменой одних цепей на новые. <...> “Долой писателей беспартийных!”, восклицает г. Ленин. Следовательно беспартийность, т. е. свободомыслие, есть уже преступление. <...> ...В нашем представлении свобода слова неразрывно

связана со свободой суждения и с уважением к чуждому убеждению. Для нас дороже всего свобода исканий, хотя бы она и привела нас к крушению всех наших верований и идеалов. Где нет уважения к мнению другого, где ему только надменно предоставляют право “врать”, не желая слушать, там свобода — фикция. <...> Ведь и писатель социал-демократ будет считать себя (пусть ошибочно), работая для своей партии, действующим по своей свободной воле, как считаю себя я, писатель беспартийный. <...> ...Рядом встала целая школа, выросло новое, иное поколение писателей-художников, тех самых, кого он, не зная их, называет насмешливым именем — “сверхчеловеки”. Для этих писателей — поверьте, г. Ленин, — склад буржуазного общества более ненавистен, чем вам. В своих стихах они заклеили этот строй “позорно мелочный, неправый, некрасивый”, этих “современных человечков”, этих “гномов”. Всю свою задачу они поставили в том, чтобы и в буржуазном обществе добиться “абсолютной” свободы творчества. И пока вы и ваши идете походом против существующего “неправого” и “некрасивого” строя, мы готовы быть с вами, мы ваши союзники. Но как только вы заносите руку на самую свободу убеждений, так тотчас мы покидаем ваши знамена. “Коран социал-демократии” столь же чужд нам, как и “коран самодержавия” (выражение Ф. Тютчева). И поскольку вы требуете веры в готовые формулы, поскольку вы считаете, что истины уже нечего искать, ибо она у вас, — вы враги прогресса, вы наши враги. <...> У социал-демократической доктрины нет более опасного врага, как те, кто восстанут против столь любезной ей идеи “архе”. Вот почему мы, искатели абсолютной свободы, считаемся у социал-демократов такими же врагами, как буржуазия. И, конечно, если бы осуществилась жизнь социального, “внеклассового”, будто бы “истинно-свободного” общества, мы оказались бы в ней такими же отверженцами, такими же *poetes maudits* (“проклятые поэты”), каковы мы

в обществе буржуазном»¹⁶.

Как показывает практика, за фразерством о свободе неумело скрывается политическая недальновидность и обществоведческая безграмотность: свойственное антикоммунистической интеллигенции «чванство неучастия», когда «советование со стороны», предполагающее полное игнорирование партийно-политической жизни, возводится в принцип, нашло себе яркое проявление в приведенных выше наивных рассуждениях Брюсова. Вообще, беспартийное интеллигентство — это болезнь разума, возникающая и прогрессирующая под влиянием авантюризма и инфантилизма. В самом деле, зачем писателю думать о таких приземленных вещах, как сущность свободы? Ведь можно снять с себя ответственность за свою деятельность, став, подобно Брюсову, сторонником либерально-антинаучной интерпретации свободы, отождествляя беспартийность и свободомыслие, играя роль мудреца-писателя, стоящего в стороне от борьбы классов и партий. Зачем ему думать о том, что идея о релятивизме и плюрализме, о невозможности познания объективной истины, ставшая преобладающей в европейских интеллектуальных средах с легких рук Юма, Канта и Маха, есть заблуждение, порожденное потребностью идеологии капитализма плодить сущности, затрудняющие научное познание природы и общества? Зачем ему осмысливать с партийно-классовых позиций происходящий вокруг хаос, если можно, уединившись с собой в «башне из слоновой кости», рефлексировать об абстрактном гуманизме? Если можно писать, что хочется, как хочется, когда хочется, пренебрегая при этом научным осмыслением общественного развития, не считаясь с политико-экономическими обстоятельствами, внутренней и внешнеполитической ситуацией, не желая изучать философские и общественные теории, способные вывести человечество из материальной и духовной нищеты? Брюсов и подобные ему интеллигенты всегда отличались политическим лицемерием: заявляя о своей приверженности прогрессу и «всему хорошему», о своих стремлениях бороться с существующим злом, они в то же время дистанцируются от коммунистических партий, научно-боевых отрядов, единственно способных взять власть и использовать её для качественного изменения общественного устройства. Но почему

¹⁶ В. Брюсов. Свобода слова (1905 г.).

так происходит? Скорее всего потому, что в глубине души они понимают: «не потянут». Иронично, но истинность указанного предположения подтверждается опытом другого беллетриста, волей обстоятельств оказавшегося в политическом и партийном руководстве: когда пришло время заниматься реальной работой, когда пришло время делать революцию, а не рассуждать о ней, Троцкий, не способный ни на что, кроме горлопанья и графомании, был постепенно уволен со всех должностей, что были ему доверены «за былые заслуги». Вот и Брюсов, верно почувяв, куда ветер дует, и испугавшись, что с наступлением коммунизма от него, как от писателя-специалиста, будут требовать обществovedческой компетентности, поспешил объяснить своим друзьям-интеллигентам, почему идея коммунистической партийности вредна и почему им с Лениным «не по пути». По реакции Брюсова и подобных ему беспартийных советчиков¹⁷ хорошо видно, что ленинские тезисы были прямо в цель: в социал-демократической печати впервые настолько конкретно было подвергнуто критике распространенное в среде литераторов противопоставление индивидуального и общего, когда субъективные иррациональные желания и мотивы ставились выше объективных потребностей развития всего социума.

Писаная история всех до сих пор существовавших обществ есть история борьбы классов. Пролетариат не может успешно бороться без своего генерального штаба и без авторитетного руководителя этого штаба, без партии и без ее вождя. Литература — тоже фронт классовой войны, и если иметь в виду и пропаганду, и агитацию, и теоретическую литературу, то победы и поражения на нём практически так же важны, как победы и поражения в политике. Следовательно, и литератор — такой же член партии, участник революции, строитель нового общества, обязанный подчиняться решениям партийного центра и исполнять их; ибо сложно говорить о победе в классовой борьбе, когда отдельные члены партии (пускай и обладающие известными талантами в области изящной словесности) саботируют партийную дисциплину, не

подчиняясь приказам центра, практикуя анархизм, волонтаризм, авантюризм, индивидуализм и иные формы оппортунистических отклонений. Не всякий писатель и не всякий пропагандист способен «здесь и сейчас» владеть марксизмом в должной мере, поэтому, для того чтобы компенсировать этот недостаток, необходимо идейное руководство со стороны наиболее грамотных теоретиков научного централизма, осуществляемое в форме конкретных указаний и личного примера¹⁸, а не абстрактных постановлений-лозунгов. В каком-то смысле Ленин, пытаясь централизовать литературное дело, распространил дискуссию о первом параграфе устава партии за пределы узкополитической проблематики, пытаясь призвать литераторов к открытой пропаганде своих общественно-политических взглядов. Ведь если даже либерально-буржуазные писатели нередко прекращают заигрывание с беспартийностью во благо общего антикоммунистического дела, становясь открыто на сторону буржуазной партийности, то чего бояться коммунистическим писателям, находящимся на светлой стороне истории?

Одним из решающих факторов, влияющих на склонность писателей к беспартийности, является синтез психологических расстройств личности (в виде эмоциональной нестабильности, нарциссизма и др.) и буржуазных пережитков в сознании, требующий со стороны партии известных уступок интеллигентскому «духу свободомыслия». Понимая это, Ленин, а затем и Сталин по-особенному относились к писателям, специфическим образом выстраивали с ними отношения, учитывая все особенности «творческого характера», что и предопределило те известные успехи, которых достигла советская литература под их руководством. При этом нельзя забывать, что подобный шаг есть лишь временное отступление коммунистов на пути внедрения диалектического мышления в сознание широких кругов прогрессивной интеллигенции, отступление, никак не отрицающее необходимости научной цензуры, являющейся инструментом приведения субъективных воззрений в согласие с объективной необходимостью общественного

¹⁷ С критикой ленинской теории партийности выступили другие антикоммунисты: Н. Бердяев, «Революция и культура» («Полярная звезда», 1905, № 2); Д. Философов, «Яд власти» («Наша жизнь», 1905, 2 декабря); С. Котляревский, «Партии и наука» («Полярная звезда», 1906, № 5); И. Покровский, «Этические основы политики» («Полярная звезда», 1906, № 4).

¹⁸ Работы Ленина и Сталина — прекрасный пример словесности, образности и логики. Их критика литературы и иных видов искусства является лучшим примером партийной критики. В этом контексте можно также вспомнить соответствующие работы Мао Цзэдуна и Ким Чен Ира.

развития, инструментом оказания помощи малограмотным в марксизме, но не лишенных литературных талантов писателям, освобождения их сознания от антинаучных заблуждений. Поэтому-то нет ничего удивительного в том, что наибольших успехов в деле проведения принципов коммунистической партийности в литературе достигли писатели, напрямую связанные с коммунизмом и партийной работой: Макаренко, Островский, Павленко, Горький, Фадеев. Поэтому-то Ленин и писал:

«Во сколько раз выиграла бы и партийная работа через газету... и литературская работа, теснее связавшись с партийной, с систематическим, непрерывным воздействием на партию! Чтобы не “набеги” были, а сплошной натиск по всей линии, без остановки, без пробелов, чтобы большевики не только нападали по частям на всяких оболтусов, а завоевывали все и вся так, как японцы завоевывали Маньчжурию у русских»¹⁹.

Ленин поставил задачу по отрицанию прежней антикоммунистической литературы как суммы антинаучных фантазий, как инструмента, фотографирующего грязь действительности, утвердив на её место новую коммунистическую литературу как инструмент марксистского воспитания и просвещения народа, как **инструмент отображения в художественных образах практики строительства коммунизма**. Партия во главе со Сталиным по мере сил и возможностей решала эту задачу предельно внимательно, терпеливо, выстраивая правильные отношения с писателями путем, например, материального и духовного «заигрывания» с ними. К слову, желая сфальсифицировать марксистское понимание отношения литературы к действительности, отдельные буржуазные исследователи предпринимали попытки разорвать ленинскую теорию и сталинскую практику коммунистической партийности литературы. В частности, в ноябре 1963 года в североамериканском социалистическом журнале «Monthly Review» была опубликована статья Марка Шлейфера, в которой тот утверждал, что «пока Ленин был жив, Советский Союз признавал, уважал и защищал автономию искусства»²⁰. Любому, даже поверхностно зна-

комому с марксистским пониманием искусства, очевидно, что никакого противоречия между ленинским и сталинским видением партийности литературы не существует. И Ленин, и Сталин прекрасно понимали, что централизация литературы — дело времени и обстоятельств, что автономность и противоречивость литературных направлений в раннем СССР — необходимый подготовительный этап для последующей научной централизации литературы как эффективного инструмента наступления коммунизма на буржуазные пережитки в сознании народа:

«Мы — коммунисты. Мы не вправе сидеть сложа руки и позволять хаосу распространяться, как ему угодно. Мы должны стремиться к тому, чтобы с ясным сознанием руководить также и этим развитием, чтобы формировать и определять его результаты»²¹.

К сожалению, среди современных отечественных левых проблема партийности вообще и проблема партийности литературы практически не изучается, поэтому сегодня трудно найти в современных марксистских изданиях актуализацию принципа партийности применительно к современному уровню развития науки и культуры. Исключениями являются журнал «Прорыв» и газета «Прорывист», на страницах которых отмечается существенная значимость принципа партийности для современной теоретической формы классовой борьбы, проводятся исследования по изучению влияния буржуазной партийности на состояние общественного сознания²². Казалось бы, сотни страниц, исписанных классиками и посвященных проблемам партийности науки, философии и искусства, позволяют современным марксистам не тратить ценное время на отстаивание необходимости применения принципа партийности. Однако здесь происходит столкновение со старой проблемой, олицетворяющей весь так называемый «популярный марксизм»: лозунги и формальное с ними согласие есть, а вот исполнение, воплощение лозунгов на практике является для большинства представителей левого движения «вещью в себе». По-

¹⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 47, с. 134.

²⁰ Schleifer M. Art and Socialist Realism [https://monthlyreviewarchives.org/index.php/mr/article/view/MR-015-07-1963-11_4].

²¹ Ленин В. И. О литературе и искусстве (1976 г.), с. 656-657

²² См.: «О партийности наук» [https://prorivists.org/56_science/], «О партийности истории» [https://prorivists.org/history-partyyness/], «О партийности наукопона» [http://www.proriv.ru/articles.shtml/ogienko?anti_drobyshev], «Интеллигентский дух и партийность» [https://prorivists.org/pointy-headed_code/], «О литературе» [https://prorivists.org/literature_zhdanov/] и др.

стоянно повторяемые тезисы о партийности наук воспринимаются большинством современных марксистов как пустая формальность, не требующая понимания, как абстракция, лишенная конкретного содержания: пафосно восхваляя ленинские принципы партийности, они восхищаются гением Эйнштейна и честностью Земскова, преклоняются перед проницательностью Фромма и глубокомыслием Ильенкова. Говоря о партийности, многие марксисты не утруждают себя подробным объяснением этого явления, а ограничиваются формальной констатацией важности партийности для марксиста. Так, большинство **увлекающихся** марксизмом скажут, что партийность есть идейная направленность мировоззрения, выражающая общественные, политические, экономические, культурные и иные интересы и идеалы различных групп людей: любой ученый, философ, художник, хочет он того или нет, сознает он это или не сознает, проводит в своей деятельности линию определенной политической «партии» (в широком смысле этого слова). Таким незамысловатым образом, казалось бы, аполитичная творческая и научная деятельность на поверку оказывается политически ангажированной защитой того или иного общественного строя, того или иного образа мыслей. Подобное в основном правильное, но поверхностное понимание хорошо сформулировал уже упомянутый Писарев, утверждавший:

«Разногласие партий очень естественно, необходимо и безысходно, потому что настоящие причины противоположных суждений заключаются в противоположности интересов. Всякая попытка примирить партии была бы бесполезна и бессмысленна. Вместо примирения партий, надо желать, чтобы каждая партия обозначилась яснее и договорилась до последнего слова. Только тогда общество может узнать своих настоящих друзей и дать окончательную победу тому направлению мысли, которое всего более соответствует действительным потребностям большинства»²³.

Более зрелый марксист добавит к данному определению Писарева классового подхода, подчеркнув, что партийность, ко всему прочему, есть понятие, указывающее на классовое устрой-

ство общества, игнорировать которое не в силах даже философствующий метафизик или эстетствующий графоман; раз есть антагонистические классы, значит, есть и антагонистические партии, выражающие интересы этих классов. Те же из «коммунистов», кто старался подробно изучать марксистские труды, даже могут привести в пример конкретное применение этого принципа классиками: партийность философии и естествознания в «Анти-Дюринге» и «Материализме и эмпириокритицизме», партийность литературоведения в переписке Маркса и Энгельса с Лассалем²⁴ и статьях Ленина о Толстом. Но ведь примеры лишь указывают на общую тенденцию и показывают, как за мишурой наукообразных терминов можно и нужно видеть вполне определенные классовые интересы. Задача же современных марксистов — за примерами, продемонстрированными классиками, видеть универсальный **метод изучения действительности**. Одного лишь постулирования недостаточно, о чем говорит, например, содержание энциклопедий, учебников и словарей²⁵, написанных под редакцией советских профессоров, где тезисы о важности пролетарской партийности соседствуют с критикой «культ личности» и проповедью «демократизма науки»²⁶. Правда, даже при Сталине пропаганда коммунистической партийности была еще в виде преимущественно неосознанного выполнения постановлений ЦК, нежели следствием внутреннего понимания сущности происходящих в СССР и мире событий; поэтому хрущевская десталинизация дискредитировала коммунистическую партийность лишь формально, ибо большая часть партии и советского народа *доверяла* Сталину, действовала согласно его воле, но не понимала его, не успев или не захотев совершить скачок из царства незнания в царство свободы. Следовательно, коммунистическая партийность, опирающаяся на объективные законы развития общества, предполагает высшую степень сознательности марксистов, руководствующихся ею в своей деятельности, что противоречит механическому согласию с постановлениями съездов и пленумов, так распространенному в советское время. Стоит заме-

²⁴ Маркс и Энгельс об искусстве в 2 т., т. 1, с. 15-52.

²⁵ См. БСЭ после 1956, Краткий политический словарь (1980 г.), Философская энциклопедия в пяти томах, История философии в шести томах, История философии в СССР в пяти томах и др.

²⁶ Алексеев П. В., Ильин А. Я. Принцип партийности и естествознание (1972 г.), с. 115-119.

²³ Писарев Д. И. Полное собрание сочинений в 12 т., т. 9, с. 396.

тить, что безапелляционная фальсификация существовавшей ленинско-сталинской партийности с заменой ее крайне слабой партийностью «антисталинского ленинизма» в форме нелепой пропаганды «норм коллективного руководства» низвела восприятие тезиса о важности партийности до уровня надоедливой формальности, внутрипартийной и даже внутригосударственной шутки, породившей в народе известный анекдот о Рабиновиче, «колеблющемся в соответствии с колебанием линии партии», поэтому многие современные самозванные марксисты под влиянием подобного послесталинского вредительства с подозрением относятся к тезису о партийности вообще и партийности литературы в частности. Те же из современных левых, кто не отрицает важности принципа партийности в деле коммунистической пропаганды, настойчиво следуют традициям своих советских предшественников, ибо, как уже указывалось, декларируемая в их лозунгах партийность не находит себе места в их же теоретических построениях: в один голос твердя о партийности при Марксе и Ленине, подавляющее большинство из них забывает о партийности в контексте сталинской и современной практики. Рассуждая о партийности наук, современные левые скатываются в откровенный и беспринципный буржуазный объективизм: партийность естествознания, реализованная Лениным и продолженная в публикациях «Прорыва», посвященных критике релятивизма и идеализма в физике, воспринимается ими как чудачество, сектантство и мракобесие²⁷; партийность истории, реализованная Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и продолженная в публикациях «Прорыва», посвященных опровержению клеветы на ленинско-сталинский СССР, воспринимается ими как «чистое безумие», конспирология и «фолк-истории»²⁸; партийность биологии, реализованная Лысенко, воспринимается

ими как неудачный опыт влияния идеологии на чистую науку²⁹. Вот и складывается печальная ситуация, при которой почти все говорят о партийности, но почти никто этому принципу не следует. Ведущую роль в этом играет интеллектуальная лень современных левых, их неспособность добросовестно учиться марксизму по первоисточникам, а не по популярному пересказу из советских учебников или современных видео.

В приведенном выше отрывке Писарев указывает на некие «потребности большинства», в соответствии с которыми необходимо действовать потенциальным освободителям народа. Сама по себе ссылка на потребности большинства с одновременным указанием действовать соответственно этим потребностям звучит «популярно» и выигрышно в контексте уличной агитации, но никак не в контексте научно-теоретической проблематики партийности литературы. Несмотря на притягательность подобных лозунгов, марксисты обязаны признавать их ошибочными и вредными, вводящими людей в заблуждение относительно целей и методов коммунистической практики. Указание на «потребности большинства» как на руководящий ориентир литературной деятельности и есть то, в чем революционно-демократическая идеология вступает в противоречие с марксистско-ленинской наукой, ибо **коммунистическая партийность есть тенденциозное отражение объективных потребностей общественного развития**. Сущностью же антикоммунистической партийности является её антинаучность, то есть субъективность устремлений и мотивов людей, руководствующихся ею в своей деятельности; такая форма партийности отражает интересы отдельных классов, сословий, партий, гильдий, государств, большинства, меньшинства, но никак не потребности самого общественного развития, удовлетворение которых если и происходит, то как бы случайно, стихийно, не по хитрому замыслу кардиналов, императоров и президентов, а «на ощупь», в силу нужд современной им политики и экономики. **Действительный успех в деле принципиального повышения материального и духовного качества жизни большинства достигается только там и тогда, где и когда в руководстве большинством решающую роль играет не его**

²⁷ См.: «Куда движется пространство?» [<https://lenincrow.com/criticism-of-the-philosophical-views/#lwptoc12>], «Еще о статье Подгузова по требованию прорывовцов» [<https://smirnov-v.livejournal.com/199189.html>], «История науки» [<https://mgo-rksmb.narod.ru/sto2.htm>], «И еще раз о теории относительности и подгузовщине» [<https://rabochy.livejournal.com/17442.html>], «Марксизм и теория относительности Эйнштейна» [<https://proza.ru/2011/08/07/1205>] и др.

²⁸ См.: «ЧТО ПЛОХОГО В «ПЛОХОМ СИГНАЛЕ»?» [https://vk.com/wall-64685395_8634], «Призрак сталинизма» [<https://rabkor.ru/columns/day-in-history/2015/12/21/the-ghost-of-stalinism/>], «Балаевщина» [<https://planb1.ru/library/balaevschina>].

²⁹ См., например, выступления известного в левой среде биолога-антисталиниста Владимира Фридмана [https://vk.com/wall-6921_41071].

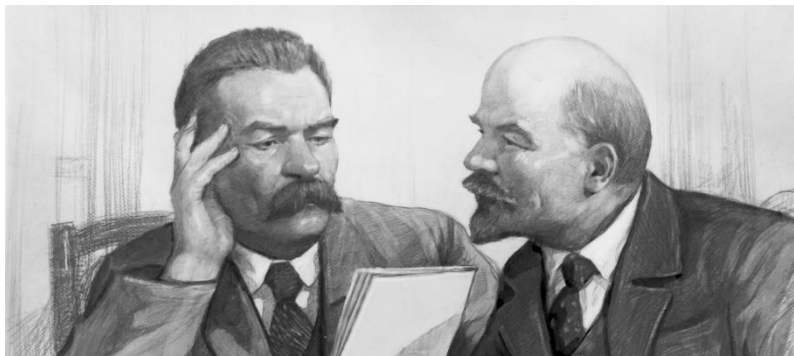
(большинства) потребности, а коммунистическая партия во главе с авторитетным марксистом-теоретиком, способные направить силы и энергию трудящегося большинства в созидательное русло. Но стоит во главе большинства встать бессовестным и корыстолюбивым популистам-антикоммунистам, материальное и духовное обнищание становится фактом повседневности, «стучащим в каждый дом». Неслучайно именно неразумность потребностей большинства стала фактором, сдерживающим строительство и способствующим разрушению коммунизма в СССР:

«...Большинство современных людей всего мира считают справедливым лишь такое положение вещей, при котором хорошо прежде всего ему самому, любимому, а не соседу и его детям. Если бы это было не так, то не было бы и мещанской “перестройки” в СССР, всемирной конкуренции всех против всех, кровной мести, массовых заказных убийств, мафиозных “разборок” и мировых войн. Большинство современных людей..., независимо от религиозной принадлежности, пока агрессивно эгоистичны и абсолютно некомпетентны в вопросах смысла жизни и счастья»³⁰.

Коммунистическая партийность отталкивается не от абстрактных потребностей большинства, ибо при современных условиях потребности подавляющего большинства населения земли антинаучны и наивны³¹, а от «нужд» объективной необходимости, познание которых возможно только при помощи диаматики, примененной к изучению общественных процессов. Партийность же, не ставящая своей целью снятие «цивилизации» частной собственности ком-

мунизмом, не преследующая цели уничтожения фундамента, разделяющего людей на партии, являет собой вариацию беспринципной хитрости, направленной на захват и удержание власти защитникам исторически-конкретного вида партийности. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин последовательно проводили в своей деятельности линию «партии истины», что и позволяло им, не впадая в левачество и неуместную р-р-революционность, одержать коммунистические победы над своими антикоммунистическими «друзьями», которые под партийностью понимали механистическое следование заученным формулировкам, разбавленным антимарксистскими позициями по революции, демократии, власти, государству, профсоюзам, философии и т. д., не забывая при этом обвинять большевиков и их последователей в тоталитаризме, вождизме и призывах к беспрекословному подчинению постановлениям партии. Им невдомек, что беспрекословно подчиняться необходимо не постановлениям партии, а «постановлениям истины»; поэтому быть по-коммунистически партийным

— не значит во всем соглашаться с коммунистической партией, ибо даже она не застрахована от ошибок, что доказала практика работы послесталинской КПСС. К сожалению, современные марксисты

пока ещё не учли в своей деятельности положительные и негативные уроки из истории коммунизма; тем не менее надежда умирает последней.

В советское время предпринимались попытки истолкования категории народности в свете марксистско-ленинского учения³², однако попытки эти лишь помешали проникновению в сознание советской интеллигенции подлинного понимания диаматической теории литературы и коммунистической партийности. В этом контексте важно заметить, что революционно-демократическая и марксистско-ленинская теория литературы *содержательно не тожде-*

³⁰ Подгузов В. «Общие вопросы теории распределительных отношений» Прорыв №2(27) 2010 [http://proriv.ru/articles.shtml/podguzov?raspred_27].

³¹ Желание спокойной, стабильной жизни в условиях капитализма, буржуазный пацифизм, американская мечта, прагматическая этика и иные формы обществоведческого невежества.

³² От редакции. За партийность и народность советской литературы. Вопросы литературы (1963 г.), №8; Тимофеев Л. И. Теория литературы. Основы науки о литературе (1948 г.); Абрамович Г. Л. Введение в литературоведение (1953 г.).

ственные, как бы ни утверждали обратное некоторые «теоретики»³³. На самом деле похожесть революционно-демократической народности и коммунистической партийности, выражающаяся в требовании высокой гражданственности писателя, не должна вводить в заблуждение современных марксистов, так как **категория народности есть лишь форма домарксистской партийности в литературе, не соответствующая новому, марксистскому этапу развития литературоведения**. Наивный демократизм народности простителен революционным материалистам, но не простителен он советским и современным коммунистам, обязанным не просто копировать лучшие мысли своих предшественников, но отрицать их, углубляя и актуализируя общественную науку. Фактически ограниченность категории народности была раскрыта Андреем Ждановым в докладах о журналах «Звезда» и «Ленинград»:

«Литература призвана не только к тому, чтобы идти на уровне требований народа, но более того, — она обязана развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед»³⁴.

Именно: не плестись в хвосте, а помогать партии руководить народом, направлять народные массы в сторону партии и строительства коммунизма, способствовать вовлечению народных масс в коммунистическое строительство, поднимать качество общественного сознания. Литература в таком случае должна повышать интеллектуально-духовный уровень народа, что невозможно вне следования писателями коммунистической партийности, вне следования ими партийным указаниям и постановлениям³⁵. Ленин неслучайно называет воспитание масс *«главной задачей прессы во время перехода от капитализма к коммунизму»³⁶*: строительство нового общества, особенно в условиях агрессив-

но настроенного капиталистического окружения, не может не совпадать хронологически с воспитанием нового человека, в чём далеко не последнюю роль играет художественная литература. Представляя из себя несколько упрощённую форму познания объективной реальности, литература является своеобразным мостиком между невежеством и разумом, ибо те инструменты и методы, которыми литература обогащает сознание читающего её индивида, в некотором роде превосхищают инструменты и методы научно-теоретического познания, доступного на следующем, качественно новом этапе становления человека. Хорошая литература доносит до больших масс людей в понятных и наглядных образах правильные идеи и смыслы, закладывающие фундамент в их будущую мировоззренческую систему, позволяя упростить сам процесс последующего познания философских и обществоведческих истин, закладывая на подкорку правильность и безальтернативность идей добра и справедливости, упрощая последующую работу по созданию коммунистического человека; указанные познавательная и воспитательная функции литературы были отражены в известной фразе Сталина, назвавшего писателей «инженерами человеческих душ». Аналогичным образом работает и плохая литература, которая прививает людям любовь к злему и плохому, развращает мораль и нравственность, спекулирует на марксистской безграмотности, прославляя подлецов, мещан, бандитов, лжецов, корыстолюбцев, предприимчивых дельцов и прочую элиту капиталистического общества. Заявляя о своей беспартийности, такие литераторы в то же время пропагандируют буржуазный образ мысли и жизни, прививают населению вредные идеалы, клеветают на коммунистов и коммунистический строй, тиражируя антикоммунистическую фальсификацию под видом «индивидуального художественного прочтения».

Но не всё так просто и с «хорошей литературой». Для того чтобы написать художественное произведение, более или менее соответствующее коммунистической партийности, мало одних добрых намерений; необходимо научное мировоззрение, позволяющее воплощать добрые намерения в научно-реалистические образы. Следовательно, отсутствие в голове писателей научного мировоззрения и является той причиной, по которой вся прогрессивная мировая литература в лице в первую очередь критического

³³ Хрущев: «Нельзя противопоставлять понятия партийности и народности» (Хрущев Н. С. О литературе и искусстве (1959 г.), с. 36.

³⁴ Жданов А. А. Доклад о журналах Звезда и Ленинград (1952 г.), с. 22.

³⁵ «Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и её устав...» (Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература).

³⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 37, с. 91.

реализма не способна подняться выше талантливой, но малосодержательной критики классового общества. Именно незнание того, что представляет из себя феодальный или капиталистический империализм, и не позволило таким великим писателям, как Шекспир, Диккенс, Бальзак, Пушкин, Лермонтов, Толстой и др., отыскать путь спасения и направить по этому пути своих читателей. Фрагментарные прозрения дореволюционного Горького лишь подтверждают правило: даже самые искренние писатели, не являющиеся при этом марксистами, не в силах самостоятельно дойти до идей коммунизма и, следовательно, создать в своих произведениях образы Людей будущего, способных вывести человечество из того тупика, в который его завело господство невежества. Понимая это и предвидя последствия распространения в среде левых литераторов идеологии автономности и свободы творчества, Ленин и писал о принципиальной важности соединения коммунистической партийности и художественной литературы для судеб не только России, но и всего человечества. Другое дело, что революционно-демократический тезис о важности учета потребностей большинства уместен в рамках борьбы с декадентством и формализмом, замыкающимися в болезненном субъективизме салонного снобизма. Однако ведь важно не только победить субъективизм среди писателей, но и утвердить ему на смену последовательно научное понимание литературы, не сводящееся к бесконечной «погоне за большинством». В этом стремлении революционные демократы похожи на идеологов антифеодализма, небезуспешно отождествивших интересы частного бизнеса с общенародными интересами, заставив французских пролетариев и крестьян умирать на баррикадах за победу «просвещенного капитализма» над «невежественным феодализмом». Когда идеологи буржуазии выступали против идеологов феодализма, они не думали о расширенном воспроизводстве общества, их не беспокоила проблема товарно-денежных отношений, им были чужды переживания относительно разрушительных последствий общепланетарного господства капитализма. Даже самые передовые представители буржуазии в лице французских или немецких просветителей, в лице различных утопистов-протокоммунистов заблуждались, формулируя свои фантастические концепции не на основе диалектической методологии мышления, а на ос-

нове метафизики, формальной логики и житейской «мудрости». Из вышенаписанного следует, что все некоммунистические политические партии являлись и являются инструментом классовой борьбы в руках рабовладельцев-феодалов-капиталистов. Их цели и методы не противостоят «законам» общества частной собственности, а потому их справедливо можно назвать партиями, реализующими партийно-политическую борьбу за экономическое господство, в том числе и при помощи литературы. **Их отличия, проявляющиеся в разных взглядах на внутреннюю и внешнюю политику государства, относительно, тогда как тождество их антикоммунистической сущности абсолютно.** В эту же ловушку и попали революционные демократы, чувствующие неразумность существующего в России и Европе строя эксплуатации, но не видящие путей и инструментов его научно-практического отрицания, создавшие по этой причине революционно-демократическую партийность, позже преобразованную в антикоммунистическую народническую партийность, преодолеть которую можно единственно при помощи подлинно добросовестного, диалектического мышления, ставящего во главу угла познание истины, а не желания большинства.

Единственный путь уничтожения партийности как принципа (в том числе и партийности литературы) есть диалектическое отрицание классового общества, путь уничтожения фундамента политики — частной собственности, оберегаемой централизованным аппаратом материального и духовного насилия. Коммунистическая партийность, таким образом, является важным, но временным элементом добросовестного мышления, так как по мере строительства коммунизма будет увеличиваться и количество людей, сознательно следующих коммунистической партийности³⁷, что согласно диалектике приближит полное уничтожение партийности как свойства человеческого общества. Иными словами, **партия, стремящаяся к коммунистическому, научно организованному обществу, является единственной формой партии, стремящейся к уничтожению партийности как принципа, поэтому желание избавления от партийности в науке и искусстве может быть удовлетворено**

³⁷ «Чем более политически развиты, просвещены, сознательны данное население или данный класс, тем выше, по общему правилу, его партийность» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 32, с. 190).

только тогда... когда коммунизм восторжествует на всей планете. Будущие коммунистические общественные отношения будут лишены партийности не потому, что их учёные будут беспринципными и безыдейными объективистами, а потому, что само общество в своей структуре не будет содержать черт, порождающих коренную противоположность субъективных интересов. Партийное уйдет в небытие, изредка напоминая о себе в рассказах о классовой борьбе прошлого.

Утверждая, что партийность есть имманентное свойство классового общества, вне зависимости от развитости политических институтов и экономических (эгоистических) отношений, Ленин углубил понятие партийности до признания единственной в своём роде коммунистической партийности, базирующейся на тенденциозной пропаганде объективных законов общественного развития. Применив свои выводы к области литературы, он разработал теорию коммунистической партийности в литературе, относительно успешно апробированную Сталиным, что подтверждается достижениями советской литературы до середины пятидесятых годов. Несмотря на это, количество написанных в советское время исследований по вопросам партийности литературы, к сожалению, не перешло в качество, ибо философы, эстетики и литературоведы — люди фактически беспартийные (даже при наличии партийного билета), узкие специалисты, а не марксисты, а потому их рассуждения о партийности замыкались в рамках уже очерченного Лениным и Сталиным. Фактически же советские философы и литературоведы лишь разными словами пересказывали общие положения Ленина, полемизируя по отдельным маловажным вопро-

сам, начётнически сверяя свои формулировки с формулировками классиков и изыскивая неточности в формулировках своих «заклятых коллег» по кафедрам. Сама мысль о том, что проблема партийности в литературе напрямую связана с проблемой партийности вообще, с принципами формирования и существования коммунистической партии, спешно выветривалась из сознания профессоров и доцентов, размышляющих о партийности, но не рискующих разбираться с вопросами партийного строительства; ведь куда удобнее неспешно и разными словами пересказывать Ленина, чем политически бороться с деструктивными процессами, вызванными к жизни демократическим централизмом и послесталинским авантюризмом.

Как видно, коммунистическая партийность в литературе была лишь формой актуализации ленинской партийной теории, примененной к области художественного слова, составной частью общей диаматики строительства и функционирования коммунистической партии. Следовательно, развитие науки о литературе невозможно вне развития коммунистической партийной теории, единственно способной помочь ответить на вопрос о том, насколько то или иное произведение полезно или вредно для коммунизма, насколько точно в нём отражена практика строительства коммунизма. Принципы именно этой коммунистической партийности и были положены в основу последующей сталинской практики партийного руководства советской литературой; той самой советской литературой, история восходящего и нисходящего развития которой со всей убедительностью и наглядностью подтвердила правильность ленинских положений.

Июнь - июль 2025

Продолжение следует...

ПУБЛИЦИСТИКА

Omnia Vincit Amor: От любви неразделённой к любви революционной

А. ТРОФИМОВ

Неразделённая любовь. Уверен, это понятие знакомо многим, и мужчинам, и женщинам. Не буду многословен в её описании, но все, кто хоть раз её переживал, согласятся в том, что она вызывает... боль в душе и сердце до такой степени, что в моменты сильного переживания хочется кричать.

«Вы любите этого человека, но не можете быть с ним» — вот основное противоречие, заключающееся в себе суть неразделённой любви. Выход из него не одинаков, но зачастую ошибочно сводится к деструкции разной степени. Заключающейся, например, в её насильственном подавлении внутри себя, т. е. в отвлечении от этого человека на карьеру, спорт, «хобби», «творчество» или, хуже того, эскапизм, буржуазный по своей сути, разрушающий человеческую личность (видеоигры, алкоголь, порнография, наркотики и т. д.). В итоге человек, которого вы любили, становится для вас вновь серым и обычным. Вы больше не посмотрите на него с прежней нежностью и любовью, огонь в вашем сердце погаснет, оно станет полым. Но хуже, если ваша любовь к этому человеку становится собственнической, что ведёт к непринятию его отказа и в конечном итоге превращению того, что вы называли любовью к нему, в её противоположность — ненависть. Тогда вы готовы причинять этому человеку любую душевную и физическую боль, лишь бы он был с вами. Мы можем это видеть на примере такого явления, как «сталкерство» (т. е. преследование человека), являющегося проблемой в буржуазном обществе.

Однако глубокое рассмотрение этого вопроса через призму коммунизма даёт иное решение противоречия неразделённой любви. Решение, которое не причинит боль ни вам, ни другому, которое позволит не только сохранить ваши чувства, но и обогатить их.

Для начала запомним одну истину. Если вы искренне любите, то вы бы сделали всё ради счастья этого человека, не так ли? Однако, если он видит свою личную жизнь без вас и считает, что

он будет счастливее так, то вы и это должны принять. Настоящая любовь ничего не требует взамен, даже взаимности. Это простая на вид, но сложная для восприятия многих формула, которую тем не менее надо принять. Но принять с радостью и искренностью. Остался лишь вопрос, как и куда направить тот огонь, что охватил ваше сердце?

Прежде чем искать решение, нужно понять, что такое любовь на самом деле? Ошибкой будет сводить любовь исключительно к чувствам. Сама по себе любовь не есть чувство как таковое. Чувства — это лишь очень важная составляющая любви, придающая ей важный для человека эмоциональный окрас и субъективное восприятие. На деле настоящая любовь является не чем иным, как очень высоким видом *отношений* между людьми. Это сознательный альтруистический акт, а не только эмоции. Именно ваши чувства должны зависеть от вашего высокого отношения к этому человеку, что будет приводить к их обогащению. *Чувства должны вытекать из отношения*, а не наоборот. В области безответной любви важность этой зависимости прослеживается ещё сильнее, ибо наступает нестабильное противоречие между характером отношения и вашими чувствами.

Если вашу любовь не приняли, но вы нашли в себе благородство и силу продолжать любить, а также сохранить в себе искренние чувства и светлые помыслы по отношению к этому человеку, не опустились до их ошибочного протестного отторжения или, того хуже, злобы, вы уже сделали большой шаг.

Самый лучший выход из противоречия между отношением и чувствами, между вашей любовью к этому человеку и невозможностью быть с ним — это качественное преобразование самого характера отношений, которое ведёт к обогащению ваших чувств. То, что я сам пережил и назвал путём «революционного преодоления».

Тогда безответная любовь становится не по-

водом для бегства или насилия, а топливом для борьбы за лучший мир. Не просто переживанием, а революционной практикой. Для коммуниста такая практика — борьба за мир, где в том числе и тот, кого вы любите, будет свободен и счастлив. Этот путь требует не подавления любви, а её радикального преобразования — через вашу высокую коммунистическую сознательность.

Для нас нет дела более почётного, чем борьба за коммунизм. В ней нами движет прежде всего любовь. От любви к угнетённым мы ненавидим угнетателей: капиталистов, фашистов, мракобесов, насильников, ненавистников... От любви к миру и населяющим его людям, от высокого чувства долга перед настоящим и будущим мы идём по этой тернистой тропе. Маркс писал, что истинное счастье лежит в борьбе.

Поэтому, товарищи, лучшим решением для вас будет направить вашу любовь к этому человеку в самое альтруистическое и созидательное русло, чем и является коммунизм. Ибо борясь за коммунизм, вы боретесь и за этого человека в том числе. Подумайте о нём. Вам нравится его улыбка, его смех, его внутренняя и внешняя красота, вам нравится, когда ему хорошо и он **счастлив**. Потратив свои жизненные силы на построение общества, где счастье каждого является условием счастья всех, вы реализуете свою любовь к нему искренне и с удовольствием. Остерегайтесь искушений на этом пути. Ваша борьба за будущее не должна сводиться к скрытой надежде, что этот человек полюбит вас лишь за это. Это уход в эгоизм. Вместо этого вы должны быть движимы тем, чтобы этот человек был счастлив, как будут счастливы все люди в будущем.

Маркс, ещё будучи гимназистом, писал:

«История считает тех людей великими, которые, работая для общего блага, сами становились благороднее. Опыт считает самым счастливым того, кто сделал счастливыми наибольшее число людей...»

Любовь может быть личной болью для вас, каковой была и для меня. Это нормально. Но она в то же время и прекрасна, ибо испытывает нас. Даёт нам возможность любить искренне, сильно и по-настоящему. Осознание этого станет вашим катарсисом, который изменит вас. Ничто так не придаёт

сил, как осознание того, что любимому человеку будет лучше, особенно если в это «лучше» вы внесли свой вклад.

Но что делать сейчас, чтобы достичь этого «лучше»? Уважаемые редакция и другие авторы газеты и журнала уже давали ответ на этот вопрос. **Добросовестно изучайте и развивайте марксистско-ленинскую теорию, занимайтесь непрерывным самообразованием, боритесь с оппортунизмом, всегда соответствуйте высоко-**

моральному образу коммуниста. Краткосрочная цель, которую ставит перед нами газета и журнал, — это **формирование Коммунистической партии нового типа, Партии Научного Централизма.** Долгосрочная цель — **построение коммунизма.** Если вы приложите достаточно усилий, то, будьте в этом уверены... вы и те, кого вы любите, застанут социализм (первую фазу коммунизма) в нашей стране. Я верю в это, по крайней мере.

Они воочию смогут увидеть счастье, которого мы добились для всех них в долгой борьбе.

Говоря словами Маркса:

«Тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей».

Я со всей искренностью хочу обратиться к вам с призывом:

Товарищи! Не прячьте ваши пылающие сердца и не гасите их! Выньте их из грудной клетки и несите впереди, не боясь обжечься. Свет и тепло, которые они излучают, изменят мир! Они ослепят и сожгут ненавистников и угнетателей, расплавят цепи рабства, физического и духовного.

Но, как сердце Данко, их свет покажет путь угнетённым. Как огонь Прометея, их тепло согреет их. Ибо наши сердца не принадлежат нам, но будут достоянием всего человечества и всех тех, кто нам дорог. Как путеводные звёзды, как маяки на пути к миру, где любовь станет естественным состоянием и основой здоровых отношений в обществе.

Для тех, кого мы любим и во имя кого боремся.

Август 2025

ИСТОРИЯ

«Гробы повапленные»,
катынские и не толькоЧасть 4³⁸Никаких «обоснованных
сомнений»Алексей ЕРМОЛИН«Нет ничего более похожего на фашиста,
чем перепуганный буржуй»Б.Брехт

Вдумчивый читатель, особенно — более-менее владеющий информацией по освещенному в предыдущей части вопросу — может поинтересоваться о причинах изложения автором столь широкоизвестных вещей. Однако, пусть вдумчивый читатель не думает, что если ему известно, что Земля вращается вокруг Солнца — то это известно всем. Но 35 процентов населения России думает иначе. Кроме того, Президент РФ совсем недавно подчеркнул следующий факт:

В.В.Путин: «Вы говорите, что Гитлера нет. Но, к сожалению, дело его живет!»

И ведь это так. Дело Гитлера «живет» не только на Украине, где оно в связи с декоммунизацией достигло пика своего «второго дыхания». Оно настойчиво пытается возродиться и у нас — начиная с сезонных обострений активности у требующих выноса тела Ленина из Мавзолея. Хотят захоронить уже захороненного — находящегося в саркофаге (разновидность гроба), ниже уровня земли (то есть в могиле) и

располагающего погребальным сооружением, надгробным монументом — Мавзолеем. Разумеется, внешне эти завывания о том, что и «родственники Ленина были против», и «детский сад можно построить на деньги, идущие на содержание Мавзолея» и т.д. и т.п. — это далеко не фашизм — но с чего начиналось на Украине? Правильно — еще в сентябре 1991-го, с уничтожения памятников Ленину, среди которых — находящийся в России Мавзолей, надгробный памятник Ильичу, разумеется — памятник главный. А поскольку свято место пусто не бывает — уже заготовлены и апробируются памятники другим людям — чего стоит памятная доска Маннергейму или «АдмиралЪ в писсуаре»! Там, где уничтоженные памятники Ленину уже заменили на монументы его противоположностям (на радостно декоммунизовавшейся Украине) — дополнительным итогом стало то, что Ту-95 — конечно, неоднократно модифицированные, но впервые поднявшиеся в воздух еще при жизни Сталина — гасили «лампочки Ильича».

Как подчеркнул совсем недавно Президент РФ В.В. Путин — больше всего от национализма пострадает тот народ, который начнёт его исповедовать. И президент прав не только потому, что он президент, а хотя бы

³⁸ Первая часть была опубликована в журнале ПРОРЫВ №78 (№ 2 2024) <http://proriv.ru/articles.shtml/guests?katyn78>, вторая часть — №80 (№ 1 2025) <http://proriv.ru/articles.shtml/guests?katyn80>), третья — №81 (№ 2 2025) <http://proriv.ru/articles.shtml/guests?katyn81>).

вследствие наличия долго взращивавшегося национализма в Германии, ставшего одной из причин Первой Мировой войны, не говоря о Второй с её более чем ужасающими последствиями. И если по итогам ПМВ Германия получила униженный Версальский мир, то в результате ВМВ — она и разделена на части оказалась, и в кабалу к истинным заказчикам той бойни попала — к англо-американскому капиталу. Ни «глобус Украины», ни «кто не скачет — тот москаль» — нисколько не украинские изобретения, ибо еще во времена Энгельса имела место история с прусским лейтенантом, потребовавшим продать ему «глобус Пруссии». Про то, как в 2011 году «Русский марш» пытался идти впереди украинцев и заявлял, что «кто не прыгает — тот ...» — предлагается верить на слово — ссылка не приводится, во избежание, так сказать. Во всех случаях, как и в вымирающей в силу национализма Прибалтике — национализм насаждается капиталом. Капитал объясняет плохую жизнь плохими соседями, заодно на этих соседей натравив — чтобы была война, ибо капитализм — это «война всех против всех».

Не ходит декоммунизация без фашизации — подобно тому, как не ходит без гомосексуализации капитализм. Декриминализация статей Уголовного кодекса в отношении гомосеятины произошла одновременно с введением «невидимой руки» рынка, в 1993 году.

Общество не стоит на месте, оно находится в движении, и движется оно — либо «налево», либо «направо». Начинаешь признавать или даже рассматривать возможность того, что Сталин и ВКП(б) построили СССР и социализм в нём на репрессиях и «лагерной экономике» — мигом оказываешься на краю пропасти приравнивания НСДАП и советского государства, на краю пропасти нацизма. Бывает еще «шаг вперед, два шага назад» — робкое заявление С.Миронова в Госдуме³⁹, которое заметила всего лишь пара региональных новостных сайтов — и по неясным причинам не пресекаемый, да еще и усилившийся вой секты «свидетелей святого Геббельса» — о «недоказанности» вины нацистов на Нюрнбергском трибу-

нале, о «новых» «мощах святого Геббельса», который почему-то решили приглушить «рассекречиванием» показаний Арно Дюре⁴⁰... Наши недавние мудрые предки — носители знаний, умений и навыков более высокой, советской цивилизации, — не только победившие нацизм, но и доказавшие безусловную виновность гитлеровцев и только гитлеровцев в Катынских расстрелах — умудрились сделать это на Нюрнбергском трибунале без привлечения Арно Дюре. Современным защитникам интересов России, пытающимся отказаться от «конъюнктурщины» в вопросах истории, всего-то нужно — лишь воспользоваться плодами работы советского обвинения, убедившего Нюрнбергский трибунал: пленных польских офицеров расстреляли «немцы в Катини». Но нет! Нынешние «защитники» СССР вместо многократного разнесения по миру вести о наконец-то наступившем повороте в деятельности Госдумы — начали выражать странные надежды:

*«По мнению члена комитета Госдумы по просвещению, депутата фракции Анатолия Вассермана, есть ряд фактов, дающих надежду на **продолжение** расследования Катынского дела». [«продолжение расследования»? Чего там продолжать — если **всё уже установлено** на Нюрнбергском трибунале?]*

В качестве «доказательств», видимо, в «продолжение расследования» и начали кампанию по освещению «рассекречивания» того, что никаким секретом не являлось, ибо:

«1-го января 1946 г. ... ежедневные газеты отпечатали полученное из Москвы сообщение агентства Рейтер, что один из немецких офицеров по фамилии Дюре, который отвечал перед ленинградским судом, сознался, что Катынскую резню устроили нацисты и описал, как в Катынском лесу было расстреляно и зарыто 15 - 20 тысяч людей — польских офицеров и евреев»⁴¹.

³⁹ В российском парламенте призвали отменить признание Госдумой советской вины за Катынский расстрел. 13 июля 2023, <https://tverigrad.ru/publication/v-rossijskom-parlamente-prizvali-otmenit-priznanie-gosdumoj-sovetskoj-viny-za-katynskij-rasstrel/>

⁴⁰ Телеграмм-канал РИА Новости. 11 апреля 2023. https://t.me/rian_ru/199498

⁴¹ КАТЫНЬ. Библиотека Исследователям Катынского дела <https://katyn-books.ru/library/katynskie-dokazatelstva4.html>

При этом пропагандисты-недоучки не подумали — а почему же советское обвинение не представило в своё время А.Дюре в качестве свидетеля обвинения? Дело ведь не только в том, что у ука-занного Арно были весьма своеобразные представления о современной ему географии (он считал, что Катынский лес находится в Польше), дело ведь еще и в том, что советские обвинители к 1 июля 1946 года — если еще не видели и не слышали, то как умные люди — прекрасно по по сути, являющиеся обвиняемыми по схожим делам. Или — почему советская сторона не пригласила в качестве свидетеля обвинения более весомого нелюдя, про которого писала «Нью-Йорк таймс»:

Почему же советское обвинение не при-влекло в качестве своего «свидетеля» и В.Шелленберга?

— Выше уже приво-дились данные о попыт-ках подобных «свидете-лей» представить Дахау оздоровительным лагерем, а Бухенвальд — средоточием культурной жизни для «поко-ренных Великой Германией народов». Совет-ское обвинение не дало ни В.Шелленбергу, ни А.Дюре возможности совершить подобный финт ушами на Нюрнбергском трибунале. Тот же Доре — попытался её реализовать позднее, когда, вернувшись на родину в середине 50-х после отбытия наказания заявил (правда — не в суде) — что оговорил себя под давлением со-ветских прокуроров-пропагандистов. [Кстати, для поклонников «версии отказа Дюре от своих показаний» — от показаний данных в суде отка-зывают так же — в суде. Иного способа нет. И — за дачу ложных показаний можно получить довесок к сроку. Дюре не отказывался в суде от своих показаний — если вообще его «отказ от

Нью-Йорк Таймс, 29 июня 1945 г.

ИСТОРИЯ С КАТЫНСКИМИ МОГИЛАМИ ОБЪЯВЛЕНА ЖЕ-СТОКИМ МОШЕННИЧЕСТВОМ

По радиосвязи в «Нью-Йорк Таймс». СТОКГОЛЬМ, Шве-ция, 28 июня.

— История с массовыми захоронениями в Катыни, которая вызвала мировую сенсацию два года назад, была пропагандистским трюком, инсцени-рованным Геббельсом и Риббентропом, чтобы вызвать раскол между Россией и её западными союзниками, говорится в отчёте, полученном здесь по специальным каналам, который под-крепляется сообщением сегодня вечером из Ос-ло. Утверждается, что близкий сотрудник Гимм-лера, бригаденфюрер СС Шелленберг, сообщил эту сенсационную информацию во время допроса в штаб-квартире Союзников в Германии в про-шлый вторник. Цитируются его слова о том, что 12000 тел были вывезены из немецких концен-трационных лагерей и одеты в старую польскую форму, чтобы они выглядели как польские офи-церы.

Сегодня вечером из Осло было получено под-тверждающее сообщение, в котором Эрик Йохан-сен — недавно репатриированный заключённый из концентрационного лагеря Заксенхаузен в Германии — рассказывает интересную историю об изготовлении немцами фальшивых докумен-тов, удостоверяющих личность тел в массовых за-хоронениях в Катыни. Йохансен говорит, что спе-циальная секция концентрационного лагеря была полностью изолирована и усиленно охранялась эсэсовцами, после чего было отобрано от сорока до шестидесяти заключённых-евреев для поддел-ки документов. Они получили лучшие оптические приборы, какие только можно было достать, что-бы работа была выполнена в совершенстве. Они изготавливали паспорта, письма и т.д. и даже бу-мажники, которые обрабатывали специальной химической жидкостью, чтобы придать им поно-шенный вид.

По его словам, перед капитуляцией Германии все ис-пользуемые машины, инструменты и материалы были уни-чтожены, а еврейские специалисты убиты, чтобы предотвра-тить разглашение секрета»

показаний» — не выдумка].

Другой вопрос — почему защита, распо-лагающая столь прекрасным, потенциальным к переобуванню в прыжке, «свидетелем» — не пригласила Арно Дюре в качестве «свидете-ля защиты» — загадка, равная этой — почему современные нам «защитники России» разнесли новость о «рассекречивании» показаний Дюре громче, чем заявление С.Миронова... Весьма за-труднительно предположить что-либо другое, кроме — лишь бы дать повод «хранителям мощей святого Геббельса» сакцентировать в

New York Times June 29, 1945
p. 2

KATYN GRAVES STORY DECLARED GRIM FRAUD

By Wireless to THE NEW YORK TIMES.

STOCKHOLM, Sweden, June 28 —The story of the mass graves at Katyn, which caused a world sen- sation two years ago, was a prop- aganda stunt staged by Goebbels and Ribbentrop to cause a split between Russia and her western allies, says a report received here through special channels that is supported by a message from Oslo tonight. A Himmler close colla- borator, SS Brigade Leader Schel- lenberg, is declared to have given this sensational information during an examination at Allied Headquar- ters in Germany last Tuesday. He is quoted as saying that 12,000 bodies were taken from German concentration camps and attired in old Polish uniforms to make them appear to be Polish officers.

Tonight a corroborative report was received from Oslo, where Erik Johansen—recently repatri- ated prisoner from the Sachsen- hausen concentration camp in Ger- many—tells an interesting story about German production of false identification documents for bodies in Katyn mass graves.

Johansen says a special section of the concentration camp was completely isolated and strongly guarded by SS men, whereupon forty to sixty Jewish prisoners were picked out to forge the docu- ments. They received the best optical instruments obtainable so the work could be done to perfec- tion. They made passports, letters, etc., and even wallets, which were treated with a special chemical fluid to make them look worn.

Before the German capitulation all machines, instruments and ma- terial used were destroyed and the Jewish specialists were killed to prevent the secret from getting out, he said.

ответ внимание обывателей на специфических представлениях Дюре о месторасположении Катинского леса и на том, что он несколько путался в размерах рвов, отрываемых для погребения захораниваемых убитых нацистами поляков.

Ладно, там — всякие рупоры Госдепа США — газетёнки типа «Новой газеты» или «Эха Москвы», давно прекратившие своё существование наравне с наконец-то признанным информационным диверсантом [простите — иноагентом] «Мемориалом» и ему подобными. Они-то по продажности, а остальные — «по искреннему тупоумию» что ли?

Встречались ведь раньше у нас в стране адекватные люди — даже в сложный период «второго обретения мощей святого Геббельса». В 1992 году, Конституционный суд, несмотря на бытующую в России обязанность сторон представлять доказательства только в виде **подлинников**, а не в виде ксерокопий — вроде бы и не отказал в приеме именно **копий** «обретенных мощей святого Геббельса». Но даже тогда, в связи с имеющимися в этих самых мощах **явных признаков подделки**, — в своём Постановлении по «делу КПСС» не только не обвинил КПСС в Катинской трагедии, но даже не упомянул об этом эпизоде. Ну, то есть — всё наоборот у «свидетелей святого Геббельса»: в Нюрнбергском трибунале рассматривали (и рассматривали обстоятельно!) содержащийся в Обвинительном заключении Катинский эпизод, признав в итоге Геринга и Йодля (6 из 24 обвиняемых, если точнее) — виновными **по всем** пунктам обвинения. Доказательные документы по Катинскому эпизоду имелись **до** начала заседаний Трибунала, причем в подлинниках;

в Конституционном суде РФ **не** рассматривали Катинский эпизод, несмотря на предъявленные **копии** «документов», обвиняющих КПСС в Катинской трагедии и, соответственно — не признали КПСС (как правопреемника ВКП(б)) виновной в Катинской трагедии. «Доказательные документы» по обвинению КПСС в Катинском эпизоде были предоставлены в Конституционный суд РФ через 5 месяцев **после** начала заседаний Суда, причем в

виде копий.

Помимо Постановления Конституционного суда, куда верховные жрецы секты «святого Йозефа» таскали туманным образом обнаруженные «мощи» лживейшего из лжецов в виде «копий» «документов» — имеется ещё пять Решений различных судов Российской Федерации по оценке событий в Катинском лесу. В четырех из этих пяти Решений по фактам необоснованных обвинений (читай — клеветы) на Сталина в Катинском расстреле, несмотря на высокий градус политизированности вопроса — содержатся судебные указания о всего лишь «допустимости» этих клеветнических, по сути, высказываний, квалифицируемых судами как «оценочные суждения», которые в демократическом обществе почему-то необязательно доказывать.

Но в пятом Решении одного из судов РФ отношение к Катинским событиям выражено несколько полнее. Речь о Тверском суде, в **Решении** которого (обязательном для исполнения на территории всей Российской Федерации) по гражданскому делу № 2-400/2012, с одной стороны — написано-то, как и обычно в подобных случаях:

При рассмотрении иска, суд принимает во внимание и тот факт, что Заявление было подготовлено и принято большинством голосов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в котором содержалась субъективная оценка подписавшихся о деятельности Сталина И.В. и их личное восприятие его влияния, по их мнению, негативного, на ситуацию, связанную с Катинской трагедией и ее жертвах.

Однако, в данном документе судья Т.А.Федосова в 2012-м году, наконец-то, исполнила мечту «свидетелей Йозефа» — привела уже непосредственно в судебном Решении, по крайней мере, один точно установленный, а точнее — общеизвестный факт — дату Катинских убийств:

«Иосиф Виссарионович Сталин (настоящая фамилия — Джугашвили) в период 1917-1953 г.г. был советским политическим, государственным, военным и партийным деятелем. Он также был одним из руководителей СССР и в период Катинской трагедии, в сентябре 1941 года. Указанные обстоятельства судом признаются общеизвестными и в силу статьи 61 ГПК РФ и не нуждаются в доказывании».

В 2012-м году и еще свыше 10 лет у жре-

цов «святого Геббельса» было время, чтобы установленным порядком добиться исправления «судебной ошибки» или «судебной описки» судьи Федосовой — подав установленным порядком апелляцию или кассацию, но они этого не сделали. Поэтому, согласно решению суда — **общеизвестным фактом** считается факт расстрела польских офицеров **осенью 1941-го года**, а не весной 1940-го. Судья Т.А.Федосова не написала, конечно, что поляков расстреляли гитлеровцы, но пускай «хранители мощей святого Геббельса» теперь доказывают: или что НКВД «партизанило» в сентябре 1941-го года на Смоленщине — или что находившиеся в Смоленске **в сентябре 1941 года «спецкоманда «Москва» и айнзацгруппа «Б»**» (установленный на Нюрнбергском трибунале факт) входили в состав НКВД СССР или иным способом подчинялись Сталину. Просто интересно — не это ли собирается «расследовать» А.Вассерман?

«Лучший немец»⁴² — **общеизвестный факт.**

«Лучший пиццерелио» — **общеизвестный факт.**

«Лучший поляк» — **почти бесспорный факт.**

«Катынь 41» — **общеизвестный факт.**

«Катынь 40» — **бесспорная геббельсятина.**

Так почему же при наличии общеизвестного факта памятник установлен геббельсятине?

И вот что получается — 12 июля 2023 года — позаседали немного депутаты, заявили о том, что надо бы отменить их резонансную «субъективную оценку» и далеко за пределы России разнесенное «личное восприятие» в виде «конъюнктурного решения» о признании вины СССР в Катынских убийствах — да так

и не отменили. Взяли СМИ — да и раздули новость о рассекречивании того, что почти 70 лет тайной не являлось — на радость «свидетелям святого Геббельса»... И ведь те же СМИ или просто замалчивали, а когда не получалось — громко кричали в 2012-м году о Решении Тверского суда: *«Суд отказал в иске Джугашвили [внуку Сталина] о Катынском расстреле!», «Суд не исследовал «Записку Берии», она лежит в Президентском архиве!»*. Все те же СМИ — как молчали о том, что на Нюрнбергском трибунале была доказана безусловная вина гитлеровцев в расстреле пленных поляков — так и молчат. И все те же СМИ про молчание Конституционного суда РФ в 1992 году в вопросе оценки «обретенных мощей святого Геббельса» и «виновности» СССР в Катынском эпизоде — как «ни гугу», так и «ни гугу»...

Почему? Да потому что СМИ кормятся от кого? Правильно — от того, у кого корм есть — то есть — от буржуев. А могут ли буржуи не опасаться, что правда в отношении истинных виновников Катынской трагедии проявится сильнее и станет действительно общеизвестным фактом? Могут ли они не бояться, что правда об изготовителях «второй партии» мощей святого Геббельса» вылезет на свет?

Могут ли буржуи не трястись от страха, что, в конечном итоге, опрос ВЦИОМ тогда

покажет — около 35 процентов населения РФ думают, что Солнце вращается вокруг Земли, а остальные, адекватные люди знают, что «приказ 00447» — подделка и «Большого террора» — на самом деле не было? Правильно

— не может буржуй не бояться этого всего до дрожи, ибо 65 процентов населения России, глянув на соседний социалистический Китай — могут задуматься уже и о том, что надо бы жить как там — «всё лучше, всё веселее» и с коммунистической партией, но тогда же ведь — и без буржуев. А на кого похож перепуганный

Реквизит для изготовления «документов»

⁴² Рогинскому, руководителю иноагента «Мемориал» повезло меньше, чем Горбачёву — ему достался орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» 1-й степени (офицерский крест)

буржуй, согласно приведенному в эпитафии наблюдению Б.Брехта? — На Геббельса — отца версии «вины» НКВД в расстреле польских военнопленных в Катыни, изобретателя «троек НКВД», «десяти лет без права переписки», «приказа 00447» и всех остальных «мошей», обретенных «комиссией Яковлева» в «архивах», привезенных из Госдепа США.

«Первое обречение» «мошей святого Геббельса»

— Поган есмь, а не свят. В кресла не сяду и не восхожу себе аки идолу поклонения! — загремел отец Ферапонт.

— Ныне людие веру святую губят. Покойник, святой- то ваш, — обернулся он к толпе, указывая перстом на гроб, — чертей отвергал. Пурганцу от чертей давал. Вот они и развелись у вас, как пауки по углам. А днесь и сам провонял. В сем указание Господне великое видим

Ф.Достоевский, «Братья Карамазовы»

Кто не знает — для причисления к лику святых одним из оснований служит нетленность останков — ну, когда (разумеется, чисто случайно) откроют долго лежалый гроб, а в нём не зловонное разлагающееся тело — а миrotочащее, благоухающее (не гниющее в течение долгих лет, в общем). Сообщают о таком знаменательном событии по команде до самого церковного верха, который организует тщательную проверку — кто же был обнаружен в гробу, да в чем праведном при жизни был замечен. И лишь только если окажется, что вроде не протухший труп при жизни только богоугодные дела творил — тогда причисляют к лику святых. Из правил, конечно, бывают исключения — как в отношении Николая Кровавого, но они, как известно — то самое правило лишь подтверждают.

Ложь «святого Геббельса» о Катынской трагедии подобно литературному старцу Зосиме (при всём уважении к последнему, как к человеку обычному, пытавшемуся быть человеком хорошим) — провоняла сразу же, еще в 1943-м. Чего стоил снятый тогда «документальный» фильм, в котором привезенный из Варшавы ксендз освящал «обнаруженные» гитлеровцами в Катынском лесу могилы убитых якобы НКВД польских офицеров! Даже без учета того, что в Освенциме священники почему-то никого не отпевали — черная эсэсовская форма, которая

выглядывала из-под развевающихся на ветру вермахтовских шинелей «сопровождавших» ксендза лиц — о многом говорит про «авторов сценария» и остальных «актёров» того кино, ведь верно? А если прочитать представленный на Нюрнбергском трибунале документ:

«... Священники будут оплачиваться нами и за это станут проповедовать то, что мы захотим. Если найдется священник, который будет действовать иначе, разговор с ним будет короткий. Задача священника заключается в том, чтобы держать поляков спокойными, глупыми и тупоумными. Это — полностью в наших интересах...» (Франк, генерал-губернатор Польши, на совещании у Гитлера 02.10.40 г., цитируется по найденным «заметкам» Мартина Бормана из архива германского МИДа)?

Ведь станет тогда понятно, что ксендзу тому заплатили за то, чтобы он проповедовал по возвращении в Варшаву желаемое гитлеровцами — и это не делает того священника плохим человеком, ибо поведи он себя иначе — *«разговор бы с ним был короткий»?*

По крайней мере — Франтишеку Гаеку, профессору судебной медицины Карлова университета в Праге, привлеченному гитлеровцами для экспертизы «обнаруженных» ими в Катынском лесу трупов, было понятно следующее:

«Я знал, что у меня не будет возможности высказать свою собственную точку зрения и, что я буду вынужден подписать все, что мне предложат. Немцев не могло интересовать ничего другого, кроме пропаганды. Было невозможно, чтобы немцы, которые объявили, что немецкая раса превосходит другие, что их культура является высшей, что они не только уполномочены, но и обязаны главенствовать над остальными народами, хотели вообще получить какое-либо заключение от таких ничтожеств, как я. У них, несомненно, совесть была нечиста. К тому же я не хотел и не мог помогать немцам доказывать, что русские — убийцы» (из выступления Ф.Гаека на собрании Общества Чешских врачей в Праге 9 июля 1945 г., изданного в виде брошюры в апреле 1946 г.).

В том же выступлении Ф.Гаек пояснял

причины, заставившие его подписать составленный немцами протокол:

«Каждому из нас было ясно, что если бы мы не подписали протокол, который составили проф. Бутц из Вроцлава и проф. Орсос из Будапешта, то наш самолет ни в коем случае не вернулся бы».

Но самое главное (и свидетельствующее о моментально протухшей попытке геббельсовской лживой пропаганды) заключается в том, что Ф.Гаек **сделал**, вернувшись в Прагу с того самого промежуточного аэродрома, где его вынудили поставить подпись под тем, с чем он был не согласен:

«После моего возвращения и официальной публикации Катынского протокола, ко мне обратились редакторы издававшихся в то время ежедневников «Polední list» и «Večerní České slovo». Они объясняли, что получили указание взять у меня интервью и что мои ответы будут опубликованы во всех ежедневных газетах. Я ответил на их вопросы и рассказал правду о том, что видел и слышал в Катыни, однако на следующий день я был очень огорчен, когда прочел нечто совершенно иное, и что мне приписывались высказывания, которые мне совершенно не принадлежали и принадлежать не могли. В частности, я никогда не говорил, что преступление совершили большевики. Однако, изменить сложившуюся ситуацию в то время было невозможно. Несколько дней спустя начальник печати так называемого "протектората" Вольфрам фон Волмар потребовал от меня, чтобы я сделал доклад о своем Катынском опыте для представителей печати в «Прессклубе». Я так и сделал, однако опять же объективно, и по окончании доклада я вышеупомянутых редакторов упрекнул за манеру изложения, что и констатировало уже в настоящее время Чешское информационное бюро. (См. газету «Prase» от 11-го июля 1945г.) Я тогда подчеркнул, что врач не должен обсуждать вину или невиновность обвиняемых, но обязан предоставить объективную экспертизу, относящуюся к области медицины. Редакторы ссылались на цензуру.

На радио я описал свою поездку и впечатления, которые она во мне оставила, и вовсе обошел стороной мнение о том, что трупы польских офицеров находились в могилах 3 года. Немецкая цензура изъяла некоторые мои фразы и потребовала, чтобы я добавил, что трупы были в могилах, несомненно, более 3 лет. Я удовлетворил это требование, но слово «несомненно» опустил. Пластика с докладом находится в архиве радиовещания.

Редактор ежемесячника «Přítomnost» обратился ко мне с идеей статьи. Статью я написал приблизительно в том же смысле, что и доклад на радио.

Ни в каких других случаях я о Катынском деле в обществе не говорил, и только своим ближайшим друзьям, в патриотизме которых, в истинном смысле этого слова, не приходилось сомневаться, я намекнул, в течение какого времени лежали трупы в Катынском лесу».

То есть – эксперты, привлеченные нацистами в 1943 году – работали по принуждению, подписывали протокол по принуждению, выступали в СМИ по принуждению, получая предписания – куда смотреть, куда не смотреть, что подписывать, что говорить и чего не говорить. Изложенное Ф.Гаеком подтверждается показаниями другого члена этой комиссии, которого немцы в 1943 году привлекли в качестве «эксперта», а советская сторона – в 1946-м, в качестве свидетеля обвинения на Нюрнбергском трибунале. Этим человеком был Марко Марков, доцент судебной медицины и криминалистики Софийского университета. Он подробно и уже **под присягой** поведал Трибуналу – протокол подписывали почему-то не по месту проведения «экспертизы», а на пустынном военном аэродроме вблизи Варшавы.

«Свидетели Йозефа» сейчас, как и на протяжении свыше 30 лет после «повторного обретения мощей» своего «святого» очень любят забывать, что М.Марков давал показания под присягой – намекая на то, что, мол, и Ф.Гаек и М.Марков находились в «советской зоне оккупации» – поэтому они «необъективны», их «советские пропагандисты» могли, мол, заставить. У служителей культа «святого Геббельса» весьма плохая память – они «не помнят», и что не только Ф.Гаек и М.Марков принадлежали к гос-

ударствам, в действительности оккупированным Германией, наравне с другими членами организованной нацистами комиссии – от Франции, Бельгии, Голландии, Словакии, Хорватии. «Свидетели святого Геббельса» также «забывают», что в комиссию, собранную гитлеровцами, входил представитель от Италии – страны, которая в апреле-мае 1943 года воевала на стороне нацистов.

«Свидетели святого Геббельса» так же предпочитают «не задумываться» над тем, что не только свидетеля М.Маркова, но даже его переводчика Л.Валева на Нюрнбергском трибунале **приводили к присяге**, скажем так – «угрожая» ответственностью *«перед богом и законом»* за ложь или неверный перевод. Никакие суды не привлекли ни М.Маркова, ни Л.Валева к ответственности за искажение истины, потому что Трибунал установил – польских военнопленных убили в 1941-м году «Немцы в Катыни».

Перед тем как продолжить – на всякий случай нужно напомнить – автор нисколько не сомневается в том, что на Нюрнбергском трибунале была установлена виновность немцев в Катыни, точнее, конечно – нацистов. И вот, даже не в качестве соглашательства с адептами «святого Геббельса», а так – в качестве неуёмного любопытства – следует задаться вопросом: нет ли свидетельств Нюрнбергскому трибуналу от других членов собранной немцами в 1943 году «комиссии» – вдруг они каким-то образом вставали на защиту «немчиков»?

Оказывается – нет. В изданной далеко уже не «советскими пропагандистами» книге [Нюрнбергский процесс.: Сб. материалов в 8 т. Т. 8. — М.: Юрид. лит., 1999] приводится речь Штамера, защитника Геринга, в которой первый, в частности, заявляет:

«В рамках допущенного Трибуналом представления доказательств было бы невозможно произвести полнейшее исследование всех медицинских вопросов, которые имели бы решающее значение для экспертов при вынесении ими решения. Поэтому защита отказалась выставить здесь медицинского эксперта для оправдания подсудимых. Но не следует забывать следующего. Экспертиза была произведена по инициативе германского правительства комиссией из 12 членов из числа видных представителей

высших европейских судебно-медицинских учреждений, в то время как представленная русским обвинением экспертиза была составлена исключительно русскими экспертами. Первая экспертиза заслуживает предпочтения, поскольку она составлена аполитичными экспертами».

Таким образом, Штамер пытался утверждать, а «геббельсята нашего времени» утверждают следующее:

Немецкая «экспертиза» – аполитична, а русская – политизирована. И всё бы ничего, если бы он попутно не намекал и на политизированность самого Трибунала, который якобы допустил порядок представления доказательств, способствовавший тому, чтобы оказалось *«невозможно произвести полнейшее исследование всех медицинских вопросов, которые имели бы решающее значение для экспертов при вынесении ими решения»* (большой привет авторам Предисловия к «Немцам в Катыни»). Ну, то есть – только «немчики» стремились-де к объективности в 1943 году, а – ни русская экспертиза в 1944-м, ни сам Трибунал в 1946-м – поисками истины не занимались.

Трибунал «политизирован», однако он предоставлял защите право и возможность *«выставить медицинского эксперта для оправдания подсудимых»*. При этом «аполитичная» защита это право не реализовала (а в отношении подсудимых – не выполнила свою обязанность) и *«отказалась выставить здесь»* указанного медицинского эксперта.

При этом, настаивая на «аполитичности» организованной немцами «экспертизы» 1943 года, Штамер пытался поставить под сомнение показания участника этой комиссии, вышеупомянутого доцента М.Маркова:

«Свидетель профессор Марков во время своего допроса отказался от того, что было им самим написано в протоколе от 30 апреля 1943 г. Он утверждает, что уже тогда на основании вскрытия им трупа он считал неправильными данные о том, что расстрел был произведен в марте—апреле 1940 г.

Эти показания вызывают большое сомнение. Свидетель сам не мог дать никакого точного разъяснения, почему он при таком своем отношении ко всему

этому делу не выступил немедленно против формулировки протокола от 30 апреля 1943 г., почему он не отказался подписать этот протокол, также почему в последующем никогда не говорил, по крайней мере, остальным экспертам, которые участвовали в этом, о своем действительном научном заключении».

Как же это свидетель «сам не мог дать никакого точного разъяснения, почему он ... не выступил немедленно против» – если сам М.Марков на заседании Трибунала говорил, что:

«Аэродром был, очевидно, военный, так как я там видел лишь легкие военные постройки, бараки ... нам предложили экземпляры протокола для подписания. При подписании присутствовало много военнослужащих, так как вообще на этом аэродроме не было других лиц, кроме военных. Меня лично поразило то обстоятельство, что протоколы были готовы еще в Смоленске, но там они нам не были предложены для подписания, а также не подождали, чтобы мы их подписали несколько часов спустя в Берлине. Нам их предложили подписать именно здесь, на этом изолированном военном аэродроме. Вот это именно и явилось причиной того, что я подписал протокол, несмотря на убеждение, к которому я пришел при вскрытии, которое я совершил. ... Я считал, что для меня нет другой возможности.»?

При этом, Трибунал, в отличие от Штамера (которому положено сомневаться в показаниях свидетелей обвинения) как бы не усомнился в показаниях свидетеля М.Маркова – потому что не привлёк последнего к ответственности за дачу ложных показаний – в том числе за то, что по свидетельству М.Маркова дата и место подписания протокола работы созданной гитлеровцами «комиссии» – являются ложными: взамен «30 апреля» и «Смоленск», указанными в опубликованном немцами протоколе, фактическая дата подписания – «1 мая», а место подписания – «военный аэродром Бэла» вблизи Варшавы. То есть – представленный общественности в 1943 году и Нюрнбергскому трибуналу в 1946-м «протокол от Геббельса» – фальшивка.

Далее Штамер, совравший в отношении показаний М.Маркова, продолжает:

«Из-за этого заявления германская экспертиза не теряет своего значения, тем более что все остальные 11 экспертов полностью и очевидно одобрили содержащиеся в данной экспертизе утверждения».

Здесь бы Штамеру добавить нечто следующее: «Отказавшись в связи с политизированностью Трибунала от выставления «здесь медицинского эксперта для оправдания подсудимых», защита выставила (или хотя бы пыталась выставить) одного (двух, трёх) экспертов из 11, которые в отличие от М.Маркова не «отказались от того, что было ими самими написано в протоколе от 30 апреля 1943 года». Однако, Штамер этого не сказал – потому что не вызывал в суд в качестве «свидетелей защиты» ни одного из остальных 11 (точнее, конечно – 10, с учетом опубликованного ранее выступления Ф.Гаека) «экспертов», созданной «Немцами в Катыни» «комиссии». Почему Штамер этого не сделал? – Возможно, потому что даже представитель Италии Пальмери подписался под полуторогодичным сроком пребывания «катынских трупов» в земле, но не под трёхгодовичным. Не заявил Штамер и того, что, мол, «политизированный» Трибунал воспрепятствовал Штамеру вызвать свидетелей защиты.

Выражаемое Штамером недоверие к показаниям свидетеля М.Маркова, не помешало адвокату Геринга ухватиться за показание этого человека о наличии на вскрытом им трупе зимней одежды:

«Установленный русскими экспертами момент расстрела, а именно осень 1941 года, определен совершенно произвольно и не может быть ни при каких обстоятельствах верным, поскольку трупы были одеты в зимнюю одежду, как это установил также свидетель Марков на трупе, который он сам вскрывал».

Не менее верно и обратное. Даже если, по мнению Штамера, наличие зимней одежды на **одном**, вскрытом М.Марковым трупе позволяет сделать вывод о том, что в зимней одежде были **все** трупы (что не так, поскольку согласно отчёту немца Бутца в восьмой могиле все были в летней форме) и, если даже, по мнению Штамера, это исключает возможность их расстрела немцами **осенью** – то всё

это так же должно исключать и возможность расстрела поляков НКВД **весной**.

То есть – «Ваши свидетели и эксперты – не «аполитичны», но других свидетелей и экспертов у меня для Вас нет». Вот и всё, что сказал Штамер.

Однако, кроме свидетелей-людей, которые могут оказаться «политизированы» или «аполитичны» — бывают ещё и другие «свидетели» — немые, вследствие отсутствия у них языка — но весьма красноречивые, ибо изготовлены или написаны людьми. Речь о документальных и вещественных доказательствах. Нюрнбергскому трибуналу были представлены в качестве доказательств телеграммы подсудимых и нацистских руководителей от 20 апреля 1943 года, из которых следует два факта:

Еще одна комиссия – Польского Красного Креста, работу которой организовали немцы в Катыни – обнаружила и вывезла оттуда гильзы немецкого производства, характерного для стоявшего на вооружении в нацистской Германии, но нехарактерного для СССР оружия:

«Сотрудники Польского Красного Креста привезли с собой гильзы патронов, использовавшихся при расстреле жертв в Катыни. Выяснилось, что это — немецкие боеприпасы. Калибр 7.65, фирма «Геко»».

Немецкое руководство пыталось, но не смогло скрыть этот факт – «Телеграмму Польского Красного Креста в Женеву обязательно задержать, а это мероприятие и другие подобные мероприятия — до получения полномочий. ... Что делать? Телеграмма могла бы быть задержана еще в Берлине».

Что же возразил на это Штамер? А вот что:

«Тот факт, что в могилах обнаружены револьверные патроны германского изготовления, не допускает вывода, что расстрел был произведен немцами. В германской «Белой книге» указано на то, что германский завод, который производил эти патроны, в очень большом количестве поставял их в другие страны и больше всего на Восток».

Мало того, что германская «Белая книга» — это результат расследования Катынской трагедии, произведенный заинтересованной стороной — то есть никакого приоритета над «политизированным» советским расследованием «комиссии Бурденко» не имеет. — Германская

«Белая книга» не являлась документом, принятым Нюрнбергским трибуналом в качестве доказательства.

Мало того, что никаких договоров или накладных, подтверждающих поставки «в другие страны и больше всего на Восток», в этой книге не приводится, поскольку в самой «Белой книге» имеется письмо от руководства «германского завода, который производил эти патроны»:

«Установить, куда поставлялись десятилетние патроны, о которых идет речь, не представляется возможным. ... В настоящее время подробности поставок установить невозможно, поскольку документация заказчиков вследствие сокращенного до 5 лет срока ее хранения уже уничтожена».

Мало того, что приводимые по (разумеется — абсолютно «неполитизированной») памяти в письме руководства немецкого патронного завода 1943 года данные **не** свидетельствуют о том, что патроны поставлялись «больше всего на Восток»:

«До 1928 года имели место поставки в больших объемах и в Россию, в том числе поставки патронов указанного калибра. После 1928 года поставки в Россию продолжались, но, как правило, в небольших объемах».

«До 1930 года осуществлялись поставки и в Польшу — возможно, также в небольших объемах».

Так ведь нет — в дополнение ко всему вышеизложенному, Штамер умалчивает о том, что всё в той же «Белой книге» немецкий профессор Бутц убедительно доказывает, что расстрел польских офицеров в Катыни осуществлялся боеприпасами, произведенными в 1930-1931 годах — то есть — когда их поставляли **не** «больше всего на Восток», а наоборот — «**меньше** всего на Восток». Ну, это если верить тому письму и думать, что патроны эти вообще поставлялись в СССР — то есть — если считать немецких производителей, писавших то письмо для «Белой книги» абсолютно аполитичными в частности, да еще и считать, что память этому руководству о событиях более, чем 15-летней давности — не изменяет вообще.

И вот как при всём при этом не согласиться с промежуточным выводом Штамера, заявившего в своей защитной речи:

«При таком положении вещей вовсе не будет необходимым излагать отдельные причины во всех деталях, которые говорят за правильность содержащегося в «Белой книге» заключения от 30 апреля 1943 г.»?

Действительно – необходимости излагать какие-то дополнительные «отдельные причины во всех деталях, которые говорят за правильность содержащегося в «Белой книге» заключения от 30 апреля 1943 г.» – вовсе нет. Бессмысленно это – поскольку свидетельством М.Маркова отрицается даже **наличие** заключения от 30 апреля – им ведь подтверждается наличие заключения от 1 мая, например. Другого же свидетеля (а лучше – двух) из состава «11 экспертов» чтобы они еще раз, под присягой, а не под давлением немецких военнослужащих «полностью и очевидно одобрили» то, от чего М.Марков под присягой отказался – то есть, для опровержения показаний М.Маркова – Штамер не представил. Бессмысленно пытаться доказать содержащуюся «в германской «Белой книге»» ложь о расстреле польских офицеров НКВД и в связи с тем, что есть заключение эксперта М.Маркова и заключения экспертов «комиссии Бурденко» о том, что трупы из Катынского леса по патологоанатомическим данным не могли стать трупами раньше осени 1941-го года – но «выставить здесь медицинского эксперта [«аполитичного»] для оправдания подсудимых» Штамер отказался. Нет никакой вероятности реализации попыток натянуть сову на глобус и доказать, что НКВД массово расстреливало польских офицеров немецкими патронами, которые если и присутствовали (что никакими документами не подтверждается!) на территории СССР – то в небольших объемах.

Штамер прекрасно понимал какую ахинею он несёт и поэтому закончил относящийся к Катыни фрагмент своей речи весьма своеобразно:

«В заключение следует сказать, что задачей данного процесса не является установить, были ли 11 000 польских офицеров расстреляны после занятия Смоленска немцами и мог ли этот расстрел быть произведен немцами. Поэтому это обвинение выпадает из Обвинительного заключения».

Как излагалось ранее – Катынский эпизод не

выпал ни из обвинительного заключения, ни из хода работы Нюрнбергского трибунала. Отсутствие в приговорах МВТ упоминания и оценки событий в Катыни обусловлено системой применяемых на данном судебном процессе правовых норм – что позволяет несмотря на отсутствие в тексте приговоров упоминаний Бухенвальда с Равенбрюком – считать уничтоженные там огромные массы людей жертвами нацистов наравне с расстрелянными ими же в Катынском лесу польскими военнопленными.

Повествуя о зловонии, сопровождавшем рождение «святой геббельсовой» лжи – нельзя не отметить и некоторые другие, не отраженные на МВТ факты, вскрывшиеся сразу же – в 1943 году.

Вот статья из газеты «Гонец Цодзенны» («Goniec Codzienny») (№ 577, Вильно, 3 июня 1943) авторства совершенно «аполитичного» адепта «святого Геббельса» некоего Мацкевича, который поначалу так описывал свои личные впечатления от прогулок по Катынскому лесу:

«В общем, лес в этом месте выглядит мерзко. Скажем, так, как выглядит пригородный лесок после маевки, после того как там побывали неряшливые любители природы, которые по выходным располагаются под деревьями, а уходя, оставляют после себя объедки, окурки, бумажки, мусор. В Катыни среди этого мусора растут бессмертники. Приглядевшись, мы замечаем, пригвожденные к месту необычайным зрелищем. Никакой это не мусор. Восемьдесят процентов «мусора» – деньги. Польские бумажные банкноты, преимущественно большого достоинства. Некоторые в пачках по сто, пятьдесят, двадцать злотых. лежат кое-где и отдельные мелкие – по два злотых – купюры военного выпуска...».

Это не единственный раз, когда Мацкевич «лажанул». Суть первой его «лажи» заключается в том, что «мелкие – по два злотых – купюры военного выпуска» – начали выпускаться 1 марта 1940 года и шли на замену предвоенных двухзлотовых купюр. Сам обмен осуществлялся с 8 по 20 мая 1940 года в Польше, тогда как по версии хозяина Мацкевича, «доктора» Геббельса – к 10 мая (зимняя одежда!) 1940 года НКВД в Катыни уже всё закончило. Позднее Мацкевич написал уже

книжку, назвав её «Катынь», и информацию, свидетельствующую о том, что купюры подбрасывались и разбрасывались по Катынскому лесу в 1943 году — в свой опус не включил. Но — и в книжке лажанул ещё раз. Не столь эпично, но всё же лажанул.

Как только что было процитировано, в первой, газетной, публикации Мацкевич определил деньги — как 80 процентов обнаруженного им мусора, при этом, не пояснив способ подсчета массовой доли — по весу или иным образом. В книге же он стал осторожнее — процентное содержание мусора уже не раскрывал, но написал, что Катынский лес «был усеян множеством газетных лоскутьев, наряду с целыми страницами и даже целыми газетами... датировка этих газет, найденных на телах убитых, указывает, если рассуждать здраво и честно, на не подлежащее никакому сомнению время массового убийства: весна 1940 года».

Причина «исчезновения» денег из описания «мусора» ко времени издания книги очевидна, но и другое не менее бросается в глаза. Из изложенного в книге Мацкевича следует, что советские газеты от начала 1940 года находили не только разбросанными по лесу (как их ветром не унесло за три года по немецкой версии?), но и на откопанных трупах поляков — в карманах, за голенищами сапог, в отворотах шинелей. Данные факты подтвердил и вышеупомянутый член собранной немцами «аполитичной» комиссии Ф.Гаек. Он же подтвердил и поразительно отличную сохранность газет, однако, отнеся к этому факту «сознательно, т.е. критически»:

«Трудно согласиться с тем, что письма и газеты, пролежав в земле 3 года, где на них воздействовала вода и продукты разложения, могли бы быть целы и читаемы так, как действительно были. У нас [т.е. в Чехии] есть традиция класть в гроб с телом усопшего изображения святых, которые обычно изготовлены из очень хорошей бумаги, но все-таки при эксгумации трехлетних трупов я никогда никаких картинок не находил. У офицеров, как я видел, они лежали совершенно свободно в карманах, а не в каком-либо футляре, и поэтому невозможно поверить, что по истечении 3-х лет, их целостность и читаемость была такая, в какой их действительно обнаружили. В процессе тления трупа на них воздействуют образующиеся кислоты — и они истлевают».

То есть — что в случае с деньгами, что в случае с газетами — речь идет о фальсификации немцами доказательной базы по виновности НКВД в Катынских событиях — о разбрасывании и подбрасывании улики. А зачем фальсифицировать — кроме случая «перевода стрелок»?

Подводя итог этой части статьи можно с уверенностью сказать, что «первое обретение» «мощей святого Геббельса» сопровождалось не только тяжелым запахом разложения трупов польских офицеров, но и смрадом наглой провокационной лжи — что свидетельствует только об одном: «мощи святого Геббельса» протухли ещё до его кончины, что и подтвердил Международный военный трибунал

Февраль 2025

Редакция журнала «Прорыв»:

Подгузов В.А.,
(главный редактор)

Петрова О.Б.,

Редин А.,
(заместители
главного редактора)

Иванов А.,
Назаренко Д.

Кандидаты
в состав

редакции:

Грано И.,
Боровых А.,
Вахитов Х.,
Киевский К.,
Сафронов Г.,
Бронислав,
Дубов Я.

Наши контакты:

Почтовый адрес:

**109378, г. Москва, улица Федора
Полетаева, дом 15, корпус 1,
квартира 79, Петровой О.Б.**

Электронные адреса:

**petrova@proriv.ru,
kohet@list.ru**

Телефон:

**+7 (495) 378-37-59 Петрова О. Б.
+7 (903) 201-65-98**

*Редакция работает на общественных
началах. Рукописи редакцией
не рецензируются, не редактируются,
не корректируются и не возвращаются.*

Посетите наш сайт
в Интернете
www.proriv.ru.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках: экономика, политика, философия, этика, история, военные вопросы, рецензии и критика, политическая публицистика, юмор, а также большую подборку коммунистической музыки, коллекцию ссылок на марксистские издания и библиотеки, листовки по актуальным вопросам, исторические документы и исследования.

На наш журнал можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы по почте или лично. Цена одного экземпляра журнала с учетом почтовых расходов **100** рублей.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации
ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г.

Цена свободная. Тираж 800.
Объем 60 стр. формата А4.
Подписано в печать 23.10.2025.
Дата выхода в свет 29.10.2025.

Адрес редакции: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.

Адрес издателя и типографии: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.